

18+

ТАЯ ГРИШ

ТАЙНЫ КАМЕННОГО ЦВЕТКА

Тая Гриш

Тайны Каменного Цветка

<https://litres.ru/74290847>

ISBN 9785007079105

Аннотация

Когда дочь уезжает в колледж, Натали понимает: брак рассыпался. Двадцать лет молчания заканчиваются разводом. Впервые она покупает билет к морю. Отель «Каменный цветок» становится убежищем. Здесь она знакомится с Аликом — молодым барменом. Но в ночь свидания он не приходит. Утром в отеле пропадает постоялица Мари. Полиция в тупике, а Натали замечает царапины на руках Алика. Теперь ей предстоит узнать: убийца он или спаситель? И готова ли она к правде, которая перевернёт всё?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	21
Глава 3	36
Глава 4	46
Глава 5	58
Глава 6	68
Глава 7	84
Глава 8	94
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Тайны Каменного Цветка

Тая Гриш

© Тая Гриш, 2026

ISBN 978-5-0070-7910-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Ночь над «Каменным цветком» стояла такая плотная, что, казалось, её можно было резать ножом.

Луна, словно предчувствуя недоброе, спряталась за тяжёлыми тучами, набитыми влагой, и только редкие просветы позволяли звездам на секунду выглянуть и тут же спрятаться снова, будто в испуге, будто не желая становиться свидетелями того, что должно свершиться. Море внизу дышало тяжело и беспокойно — волны накатывали на скалы с глухим рокотом, разбивались в белую пену и с шипением отступали, чтобы через мгновение ударить снова. Этот ритмичный гул был здесь вечным, проникал повсюду — в стены старого отеля, в древесные поры балконных перил, в тревожные, зыбкие сны постояльцев, делая их глубокими, как омут, и беспокойными, как совесть убийцы.

Ветер — солёный, пахнувший дальними штормами — гнал по пустынной террасе сухие листья плюща, что цепко, почти хищно, оплетал кованые решётки. Где-то вдалеке, за мысом, где море сходится с небом в чёрной неровной линии, мигнул и погас огонёк рыбацкой лодки — а может, то был блуждающий огонёк воображения, обманутого тьмой. Воздух был наполнен солью и прелой морской травой, выброшенной на берег. Пахло свободой. И опасностью.

На краю обрыва, там, где старая каменная ограда давно

обвалилась в море, оставив лишь неровный, крошащийся край, стояла женская фигура. Она была одета в лёгкое светлое платье, которое ветер надувал, облепляя ноги, трепал волосы, выбившиеся из небрежного пучка. Девушка смотрела вниз, в чёрную бездну, где вода с маслянистым блеском перекатывала обломки скал. Она ждала. Или, может, просто собиралась с духом.

Тени вокруг жили своей жизнью: кусты раскачивались, как пьяные, бросая на землю причудливые очертания, похожие на скрюченные пальцы. Казалось, сама природа здесь была против того, чтобы подслушивать и подсматривать: слишком темно, слишком ветрено, слишком громко шумит прибой.

Девушка медленно обернулась. Тропинка, ведущая от отеля к обрыву, была пуста. Только свет горел в одном окне — на втором этаже, где, судя по всему, кто-то не спал или забыл погасить лампу. Жёлтый прямоугольник дрожал и расплывался в слезящихся от ветра глазах.

Она сделала шаг назад, ближе к краю. Гравий посыпался из-под босых ног, мелкие камешки устремились вниз, бесшумно исчезая в ревущей пустоте. Девушка замерла, балансируя на грани. Её силуэт на фоне чёрного неба казался неестественно хрупким, готовым раствориться, исчезнуть, стать частью этой ночи.

Ветер донёс чей-то голос. Приглушённый расстоянием и шумом волн. Мужской. Он звал. Или ругался. Слова раз-

бивались о скалы раньше, чем долетали до цели. Девушка вздрогнула. Рванулась было обратно, к тропе, но замерла. Кто-то шёл. Тяжёлые шаги по гравию, хруст, прерывистое дыхание. Тень отделилась от ограды, выросла рядом, заслонила собой слабый свет далёкого окна.

— Ты не должна была приходить, — голос скрежетал, как камни в прибое.

— Я должна, — ответила она. Голос сорвался, утонул в ветре. — Я так больше не могу.

— А я говорил тебе. Я предупреждал.

Разговор шёл на грани слышимости, слова вырывались и тут же уносились прочь, к морю. Они стояли друг напротив друга — две тени на фоне бездны. Напряжение между ними наэлектризовало воздух сильнее, чем приближающаяся гроза.

— Отпусти, — выдохнула она. — Просто отпусти.

— Поздно, — ответил он, и в голосе его послышалось что-то похожее на отчаяние.

Что произошло дальше — осталось тайной даже для ветра. Кто сделал первый шаг? Ветер ли толкнул, земля ли ушла из-под ног, или чья-то рука легла на плечо жёстче, чем следовало? Тишина длилась одно мгновение. А потом воздух разорвал крик. Он был страшен своей внезапностью и краткостью — не дольше двух ударов сердца. Резкий, высокий, полный животного ужаса и неверия, что это происходит на самом деле. Крик ударился о скалы, отразился эхом, заме-

тался между утёсами и оборвался так же внезапно, как начался. Словно его отрезали.

Внизу, в сотне метров под обрывом, море приняло свою добычу. Оно даже не изменило ритма — волны продолжали бить в скалы с той же силой, тот же ветер трепал кусты, та же луна пряталась за тучами. Только белая пена на мгновение стала чуть гуще.

Человек, оставшийся на краю, постоял ещё немного. Смотрел вниз. Потом, словно очнувшись, медленно отступил в тень, слился с кустами и исчез, растворился в ночи. Тропинка опустела. Окно на втором этаже погасло — или это только показалось усталому, обманутому тьмой взгляду.

Море продолжало дышать. Оно приняло тайну и обещало хранить её вечно, перекачивая в своих глубинах, как гальку, обтачивая острые углы, стирая улики, оставляя только глухой, утробный рокот, под который так хорошо спится ничего не подозревающим людям.

Где-то в отеле скрипнула дверь на террасу. Сонный постоялец вышел покурить перед сном, зевнул, посмотрел на чёрное небо, зябко повёл плечами и ушёл обратно в тёплый номер. Он ничего не слышал. Или не захотел услышать. Ночь продолжалась. Тяжёлая, влажная, полная невысказанных слов и грехов. До рассвета оставалось пять часов. Пять часов тьмы, которая умеет хранить тайны..

Глава 1

В этом доме пахло вечностью.

Этот запах вьелся в стены, в шторы, в деревянные перила лестницы за двадцать лет брака так же глубоко, как масло впитывается в старую разделочную доску. Смесь полироли для мебели, которой каждую субботу обрабатывали гостиную, лавандового саше в бельевом шкафу и лёгкой затхло-сти от книг в кабинете мужа, которые никто не открывал, но которые должны были создавать интеллектуальный фон.

Натали стояла посреди комнаты дочери и пыталась запечатлеть этот момент в памяти с отчаянной жадностью человека, который знает, что скоро потеряет нечто бесконечно дорогое. Она ловила взглядом каждую мелочь, каждый солнечный зайчик, каждую пылинку. Солнце уже клонилось к закату, и косые медовые лучи золотили пылинки, танцующие в воздухе. Комната Оливии за восемнадцать лет её жизни превратилась в идеальный слепок её личности: постеры инди-групп на стенах — незнакомые чужие лица, глядящие с вызовом и юношеским максимализмом. Натали находила их шумными, почти агрессивными, но молчала, потому что чувствовала: это не её территория. Стопка книг на тумбочке — от классиков, входящих в школьную программу, до современных романов, которые дочь читала тайком, думая, что мать не замечает. На подоконнике — засохший кактус, ко-

торый Оливия забывала поливать, но он, назло всем законам природы, упрямо цеплялся за жизнь, словно подавая пример.

Но сейчас всё это казалось декорацией. Настоящей была только пустота.

Огромный раскрытый чемодан лежал на кровати, как разинутая пасть голодного зверя, готового проглотить куски жизни Оливии и утащить их в неизвестность. Натали смотрела на него и чувствовала, как внутри неё самой раскрывается такая же чёрная дыра.

— Мам, ты чего застыла? — голос Оливии вырвал её из оцепенения.

Натали моргнула, возвращаясь в реальность. Дочь стояла в дверях, скрестив руки на груди — классический оборонительный жест, который Натали выучила наизусть за последние бунтарские годы. На Оливии были её любимые джинсы, протёртые на коленях до дыр, и футболка с принтом, который Натали не понимала, но уже научилась не спрашивать, что он значит. Оливия была прекрасна той юной, ещё не осознанной красотой, которая не нуждается в подтверждении косметикой или модной одеждой. Светлые волосы, собранные в небрежный пучок, большие серые глаза — отцовские, но с теплотой.

— Собираю, — ответила Натали и решительно шагнула к шкафу.

Она распахнула дверцы, и знакомый запах — духов Оли-

вии с нотками ванили и грейпфрута, и чистой выстиранной ткани — ударил в нос. Руки сами потянулись на верхнюю полку, туда, где аккуратными стопками лежало то, что уже не носили, но не могли выбросить. Старые свитера, вязаные шапки, которые вышли из моды, и... пижама.

Натали достала её и на секунду замерла. Мягкая, когда-то розовая, а теперь выцветшая до нежного персикового оттенка. На груди — смешной плюшевый единорог, который когда-то был белым, а теперь казался слегка сероватым, несмотря на все стирки. Пижама хранила тепло тех вечеров, когда Оливия была маленькой, когда они вместе смотрели мультики, когда дочь засыпала у неё на руках и пахла детским шампунем.

— Вот, — Натали повернулась к чемодану и аккуратно, почти торжественно, положила пижаму поверх сложенных джинсов и свитеров. — Обязательно возьми.

Оливия подошла ближе. Посмотрела на пижаму, потом на мать. В её взгляде мелькнуло что-то сложное — смесь раздражения, нежности и снисходительности, на которую способны только дети.

— Мам, — сказала она мягко, но твёрдо. — Это мне точно не нужно брать в колледж.

Натали почувствовала, как внутри что-то сжалось. Она знала, что дочь права, но признавать это было всё равно что перерезать последнюю ниточку.

— Но почему? — в её голосе проскользнула почти детская

обида. — Ты так любила эту пижаму. Помнишь? Мы купили её в том торговом центре, где ещё был фонтан с монетками. Ты тогда загадала желание...

— Мам, — перебила Оливия, но без злости. Она взяла пижаму в руки, провела пальцем по единорогу. — Это было десять лет назад. Мне было восемь. В колледж такое не берут.

Натали растерянно моргнула. Десять лет. Всего десять лет, а кажется — целая вечность. Или наоборот — одно мгновение.

— А что тогда берут? — спросила она, и в её голосе неожиданно для неё самой проскользнули игривые нотки. — Кружевное бельё?

— МАМ! — Оливия вспыхнула ярко. Щёки залились румянцем до самых ушей.

Натали подняла руки в притворном испуге, но глаза её смеялись — впервые за последние несколько дней.

— Я ничего не видела, — сказала она театральным шёпотом. — Я вообще слепа и глуха.

Оливия фыркнула, пытаясь сдержать улыбку, но не смогла. Она закатила глаза — классический подростковый жест, — но в этом закатывании не было настоящего раздражения. Была любовь. Та самая, которая никуда не девается, даже когда дети вырастают.

— Ты невозможная, — сказала Оливия, всё-таки улыbnувшись.

— Я твоя мать, — поправила Натали с притворной важностью. — Я

обязана быть невозможной. Это входит в должностные обязанности.

Она шагнула к дочери и обняла её. Оливия на секунду напрыглась — тоже привычная реакция, возраст, когда объятия матери кажутся чем-то постыдным, — но потом расслабилась и уткнулась носом в мамино плечо. Так, как делала только в редкие минуты откровенности.

— Я буду скучать, — прошептала Натали в пахнущие яблочным шампунем волосы.

— Я ещё не уехала, — пробормотала Оливия.

— Уже почти.

Они стояли так несколько секунд, и Натали позволяла себе верить, что время остановилось. Но время не останавливалось никогда. За окном садилось солнце, внизу, в столовой, уже накрывали на ужин, а огромный чемодан всё ещё ждал, разинув пасть.

Натали отстранилась первой.

— Ладно, — сказала она, смахивая несуществующую слезу. — Собирайся. Тебе нужно поторопиться. Скоро ужин.

Она вышла из комнаты и прикрыла за собой дверь, но не плотно — чтобы слышать, как Оливия ходит, как открывает ящики, как бормочет что-то под нос. Эти звуки были музыкой, которую она будет вспоминать.

В коридоре было темно. Натали прислонилась спиной к

стене и закрыла глаза. Двадцать лет. Двадцать лет назад она вошла в этот дом невестой. Молодой, наивной, уверенной, что впереди только счастье. Чарльз тогда был другим — или ей только казалось. Внимательный, уверенный в себе, он казался скалой, о которую можно разбить любые бури. Она и не заметила, как скала превратилась в стену.

Натали открыла глаза и посмотрела на свои руки. Когда-то тонкие пальцы с идеальным маникюром, сейчас — обычные руки сорокалетней женщины, которая слишком много мыла посуду и слишком мало думала о себе. Кольцо на безымянном пальце поблёскивало в полумраке. Тонкий ободок из белого золота с крошечным бриллиантом, который когда-то казался огромным. Снять бы. Давно уже снять. Но привычка — страшная сила. И страх.

Внизу звякнула посуда. Сильвия, домработница, которая приходила три раза в неделю, сегодня задержалась помочь с ужином. Чарльз любил, когда всё было идеально. Особенно напоказ. Натали вздохнула, поправила блузку — строгую, серую, совершенно не её, но Чарльз говорил, что этот цвет ей идёт, — и начала спускаться по лестнице. Каждая ступенька отдавалась в висках глухим стуком. Одна, две, три... Перила под рукой были гладкими, отполированными до блеска. Чарльз следил за домом так же, как следил за всем в своей жизни, — с маниакальной педантичностью. Ни пылинки, ни соринки, ни единого намёка на хаос. Интересно, что бы он сказал, если бы узнал, какой хаос у неё внутри.

— Натали, ты идёшь? — голос Чарльза донёсся из столовой. Ровный, спокойный, не терпящий возражений.

— Иду.

Она вошла в столовую, и этот вход был как выход на сцену каждый вечер в течение двадцати лет. Декорации неизменны: огромный стол из тёмного дуба, который достался Чарльзу от его деда, тяжёлые портьеры на окнах, хрустальная люстра, которая стоила больше, чем годовая зарплата официантки в ресторане, где они познакомились.

Чарльз сидел во главе стола. Это место было его по праву, которое никто никогда не оспаривал. Высокий, седеющий, но всё ещё красивый мужчина в дорогом пиджаке, который он надел, видимо, чтобы подчеркнуть важность момента. Последний ужин перед отъездом дочери. Ритуал.

— Садись, — кивнул он на место справа от себя.

Натали всегда сидела справа. Слева пустовало — для гостей, которые бывали редко. Напротив — место Оливии.

Она села, расправила салфетку на коленях. Стол ломился от яств: запечённая курица с овощами, которую Сильвия готовила по особому рецепту, картофель-гратен, свежий салат, дорогое вино в графине. Чарльз любил, чтобы всё было красиво. Натали смотрела на еду и чувствовала, что кусок в горло не полезет.

Стук шагов на лестнице. Оливия спускалась, и по звуку Натали поняла, что дочь всё ещё обижена на отца. Шаги были тяжёлыми, нарочито громкими. Она вошла в столовую,

не глядя на родителей, и плюхнулась на своё место с таким видом, будто делает им одолжение.

— Ну что, — Чарльз поднял бокал с вином, рассматривая его на свет, прежде чем отпить. Ещё один ритуал. — Чемодан собран?

Оливия взяла вилку, поковыряла салат.

— Почти, — ответила она в тарелку. — Осталось пара вещей.

Чарльз поставил бокал. Его лицо оставалось непроницаемым, но Натали знала этот взгляд — он что-то готовил.

— Тебе нужно поторопиться, — сказал он. Не грубо, но тоном, который не предполагал возражений. — Завтра утром мы отвезём тебя в общежитие.

Вилка Оливии замерла на полпути ко рту.

— Что значит «мы»?

— Я и мама, — Чарльз отрезал кусочек курицы. Аккуратно, идеально ровными движениями. — Поможем тебе упаковать вещи, познакомимся с соседями.

Оливия подняла голову. В её глазах вспыхнул тот самый огонь, который Натали так любила и так боялась. Огонь независимости.

— Вы пойдёте со мной в общежитие? — голос дочери зазвенел. — Это же сразу будет позором!

Она перевела взгляд на Натали. В этом взгляде была мольба — «мама, скажи ему, объясни, что так нельзя, что я уже взрослая, что мне нужно начать свою жизнь без вас за спи-

ной».

Натали открыла рот, но слова застряли в горле. Чарльз не дал ей заговорить.

— Позор? — его брови взлетели вверх. — Позор в том, что мы беспокоимся за нашу дочь? В том, что мы хотим знать, с кем будет жить наш единственный ребёнок?

Голос его был спокоен, но сталь звенела в каждом слове. Он не повышал тона — никогда не повышал, это было ниже его достоинства, — но каждое его слово било наотмашь.

Оливия снова посмотрела на мать. Теперь в её взгляде было нечто другое — разочарование. Она уже знала, что будет дальше.

Натали чувствовала, как под этим взглядом проваливается сквозь землю. Она ненавидела себя в эти моменты. Ненавидела свою трусость, свою привычку уступать, свою вечную роль «миротворца», которая на самом деле была ролью предателя. Предателя собственной дочери.

— Мы очень волнуемся за тебя, Оливия, — сказала она.

Слова вышли механическими, пустыми. Она слышала их так же, как если бы их произносил кто-то другой. Это были не её слова. Это были слова, которые Чарльз вложил ей в рот двадцать лет назад и которые она послушно повторяла все эти годы.

Оливия смотрела на неё несколько долгих секунд. В её глазах мелькнуло что-то, от чего у Натали оборвалось сердце. Не гнев, не обида. Разочарование. Самое страшное, что

может быть в глазах ребёнка.

Она медленно положила вилку на стол. Звякнуло серебро о фарфор — этот звук показался Натали оглушительным в повисшей тишине.

— Я наелась, — сказала Оливия ровным голосом.

Она встала. Отодвинула стул, который противно скрипнул по паркету. И, не глядя больше на мать, пошла к лестнице. Ступеньки. Шаги. Хлопок двери наверху. Тишина.

Чарльз тоже отложил приборы. Аккуратно положил вилку и нож параллельно друг другу — он всегда так делал, перфекционист до мозга костей. Промокнул губы салфеткой. Посмотрел в сторону лестницы, но не на Натали.

— Это твоё воспитание, — сказал он.

И встал.

Натали не ответила. Она сидела неподвижно, глядя в одну точку на скатерти. Руки её лежали на коленях, сжатые в кулаки так сильно, что ногти впивались в ладони. Боль была единственным, что удерживало её от того, чтобы закричать.

Чарльз вышел из столовой. Стук его кабинета — тяжёлой дубовой двери, за которой он проводил вечера, — донёсся приглушённо, словно издалека. Натали осталась одна среди остатков ужина, среди хрусталя и фарфора, среди двадцати лет брака, которые лежали перед ней на тарелке нетронутым куском курицы.

Она подняла глаза к потолку. Туда, где за закрытой дверью её дочь собирала чемодан, чтобы уехать. Чтобы вырваться.

Чтобы начать жить своей жизнью.

«Я тоже когда-то хотела жить своей», — подумала Натали. Но вслух ничего не сказала.

Она просто сидела за огромным пустым столом, в огромном пустом доме, и слушала тишину. Тишину, которая вот-вот должна была стать её единственным спутником.

За окном догорал закат. Последние лучи солнца окрасили горизонт в багровые тона, и на одну секунду Натали показалось, что небо горит. Так же, как горело всё у неё внутри.

Она медленно встала, собрала тарелки — машинально, как делала тысячи раз до этого, — и отнесла их на кухню. Сильвия уже ушла, оставив всё идеально чистым, кроме этого ужина. Натали включила воду и смотрела, как струя смывает остатки еды.

Вода текла. Время текло. Жизнь текла. А она стояла у раковины и не знала, как остановить этот поток. И нужно ли его останавливать. Может быть, проще просто плыть по течению, как она делала всегда?

Наверху хлопнула дверь. Шаги Оливии — быстрые, решительные. Ванная. Шум воды.

Натали выключила кран и прислушалась. Сквозь шум труб она слышала то, от чего сердце сжалось ещё сильнее. Оливия плакала. Тихо, чтобы никто не слышал. Матери всегда слышат.

Натали вытерла руки полотенцем, медленно, тщательно вытирая каждый палец, и подошла к лестнице. Останови-

лась. Посмотрела наверх. Подняться? Постучать? Попытаться объяснить? Сказать, что она не такая, что она на стороне дочери, что она просто... боится?

Нет. Не сегодня.

Сегодня она поднимется к себе, ляжет на свою половину огромной кровати, повернётся спиной, и будет смотреть в потолок. Как всегда.

Завтра будет новый день. Последний день, когда Оливия ещё будет здесь.

Натали медленно пошла наверх, держась за перила. Каждая ступенька давалась с трудом, будто ноги налились свинцом.

Дверь в комнату дочери была закрыта. Натали провела рукой по дереву, но постучать не решилась.

— Спокойной ночи, — прошептала она в щель между дверью и косяком. — Я тебя люблю.

Ответа не было. Только шум воды в ванной и тонкий, почти неслышный всхлип.

Натали пошла дальше, в спальню, где её ждала ночь. Очередная ночь из тысячи таких же. И ни одна из них не была её.

Глава 2

Утро ворвалось в комнату без спроса. Солнце било сквозь неплотно задвинутые шторы наглыми полосами, в которых, как и вчера, танцевала пыль. Натали не спала. Она лежала на спине, глядя в потолок, и слушала дыхание Чарльза. Ровное, спокойное, глубокое. Он спал сном человека, у которого нет сомнений. Который всегда знает, что правильно, а что нет.

Будильник прозвенел ровно в семь. Чарльз протянул руку, не открывая глаз, нажал кнопку и сел на кровати. Идеально выбритый ещё с вечера, он умудрялся выглядеть собранным даже в первые секунды после сна.

— Вставай, — сказал он, не оборачиваясь. — Дочь уезжает сегодня.

«Спасибо, Чарльз. Я в курсе. Я всю ночь об этом думала». Но вслух Натали только кивнула, хотя он не мог этого видеть. Привычка.

Чарльз встал и ушёл в ванную. Шум воды, звук электрической зубной щётки — ритуалы, которые не менялись годами. Натали села на кровати, прижала колени к груди и обхватила их руками. В этой позе она была похожа на девочку, которая боится идти в школу. Только школа давно закончилась. И жизнь, кажется, тоже.

Она встала, накинула халат — старый, шёлковый, цвета слоновой кости, который Чарльз считал вышедшим из моды,

но она любила его за мягкость, — и подошла к окну. Сад под окнами был идеален. Стриженные кусты, ровная дорожка, фонтанчик с рыбками, за которыми следил садовник. Красиво. Аккуратно.

Где-то внутри неё тоже был сад. Но он давно зарос сорняками.

Сборы заняли час.

Шаги на лестнице заставили её вздрогнуть. Тяжёлые, грузные — не Оливия. Чарльз уже спускался. Значит, пора. Натали быстро умылась, натянула первое, что попало под руку из шкафа — лёгкое бежевое платье, которое делало её незаметной, — и вышла в коридор. Тяжёлое дыхание, скрип ступеней, глухие удары.

Чарльз, как всегда, руководил процессом, хотя процесс не нуждался в руководстве. Проверял, закрыты ли окна, давал указания, которые никто не просил. Он спускался по лестнице, таща за собой огромный чемодан Оливии. Тот самый, который вчера лежал разинутой пастью. Теперь пасть была застёгнута, набита до отказа, и каждый шаг отдавался в позвоночнике Натали, будто это она тащила эту тяжесть. Будто это она уезжала.

— Что же ты там набрала такого? — бросил Чарльз через плечо, не останавливаясь.

Вопрос не требовал ответа. Это было не любопытство, не забота, даже не раздражение. Это был просто звук, заполняющий тишину. Чарльз не ждал, что Оливия ответит. И она

не ответила. Оливия шла позади него, неся ещё одну сумку — ту, в которой был ноутбук и книги, которую она отказалась положить в чемодан, потому что «вдруг понадобится в машине». Вчерашний гнев в ней утих, сменившись спокойствием, которое бывает перед большими переменами. Она была уже не здесь. Мыслями она была там — в новой комнате, в новом городе, в новой жизни.

Наушники уже висели на её шее. Она ждала только момента, когда сядет в машину, чтобы воткнуть их в уши и отгородиться от всего, что оставалось позади.

Натали стояла у входа. Она не помнила, как спустилась. Ноги сами принесли её к двери, руки сами поправили платье. Чарльз прошёл мимо неё, даже не взглянув. Дверь открылась, впуская утренний воздух — свежий, пахнувший травой и почему-то морем, хотя до моря было далеко. Натали часто думала, что этот запах ей только кажется. Что она выдумала его, потому что море было её единственной настоящей мечтой. Той, которую она закопала глубоко внутри, когда вышла замуж.

Оливия замедлила шаг, проходя мимо матери.

— Мам, ты едешь? — спросила она, когда всё было готово.

Вопрос застал Натали врасплох. Она как-то не думала об этом. Вчера, за ужином, Чарльз сказал «мы отвезём», но Натали привыкла, что «мы» в устах мужа означало «я». Она была декорацией. Фоном. Человеком, который сидит справа

за столом и молчит.

— Конечно, она едет, — ответил за неё Чарльз, выходя из дома с последней сумкой. — Садись в машину, Оливия.

Натали посмотрела на дочь. Оливия пожала плечами — этот жест мог означать всё что угодно, от «ну и ладно» до «как хочешь» — и вышла на крыльцо.

Натали задержалась на секунду. Она стояла в прихожей, где пахло полиролью и лавандой, и смотрела на своё отражение в зеркале. Женщина в бежевом платье, с бледным лицом и пустыми глазами. Через минуту она сядет в машину. Поедет провожать дочь. Вернётся обратно. И что дальше?

— Натали! — голос Чарльза с улицы, нетерпеливый. — Ты идёшь?

— Иду.

Она вышла.

Солнце уже поднялось выше и теперь светило ярко, почти по-летнему, хотя на календаре был конец августа. Машина стояла у крыльца — чёрный внедорожник, который Чарльз купил в прошлом году, потому что «семье нужен надёжный автомобиль». Надёжный. Семье. Слова, за которыми ничего не стояло, кроме привычки.

Оливия уже сидела на заднем сиденье. Наушники висели на шее — она наденет их, как только машина тронется. Чарльз стоял у багажника, проверяя, хорошо ли закрыты чемоданы. Натали подошла к передней пассажирской двери и замерла на секунду, положив руку на ручку. Место справа.

Всегда справа.

Она открыла дверь и села.

Салон пах кожей и освежителем воздуха — ёлочкой, которую Чарльз вешал на зеркало заднего вида, хотя терпеть не мог эти дешёвые ароматизаторы. Натали всегда думала, что это странно — вешать то, что не любишь. Но Чарльз делал так годами. Может быть, в этом был какой-то скрытый смысл. Может быть, никакого.

Чарльз сел за руль. Захлопнул дверь. Повернул ключ зажигания. Двигатель заурчал, и в ту же секунду Оливия надела наушники. Воткнула их в уши решительным движением, отгородилась от мира. От родителей. От прощания, которое уже состоялось вчера за ужином, но которое всё равно нужно было пережить.

Чарльз посмотрел в зеркало заднего вида. На секунду их взгляды встретились — Натали и мужа. В этом взгляде было всё. Двадцать лет молчания. Двадцать лет невысказанных обид. Двадцать лет, в течение которых она сидела справа от него за ужином и молчала, когда нужно было говорить. Двадцать лет, в течение которых он командовал, а она подчинялась. Двадцать лет брака, который давно стал просто привычкой.

Чарльз смотрел на неё, и Натали не могла прочесть его взгляд. Может быть, там было что-то похожее на вопрос. Может быть, облегчение. Может быть, ничего.

Он перевёл взгляд на дочь. Оливия сидела, уставившись в

окно. Музыка уже унесла её далеко-далеко, туда, где не было этих утренних сборов, этих тяжёлых чемоданов, этого дома, который никогда не был домом.

Чарльз перевёл глаза на дорогу. Рука легла на рычаг коробки передач. Нога нажала на газ. Машина мягко тронулась с места.

Натали смотрела в боковое окно. Дом, в котором она прожила двадцать лет, медленно уплывал назад. Сначала исчезло крыльцо, потом окна гостиной, потом сад с розами, которыми так гордился садовник. Потом дом скрылся за поворотом. И осталась только дорога.

Они ехали молча. Это было привычное молчание, нарабатанное годами. То, которое не тяготит, потому что уже не замечаешь. Как шум холодильника или тиканье часов. Оно просто есть.

Чарльз вёл машину уверенно, спокойно, не нарушая скоростной режим. Натали сидела, глядя перед собой, но ничего не видя. Мысли путались, разбегались, возвращались. Она думала об Оливии. О том, как дочь выросла. О том, как мало она её знает на самом деле. Какая музыка у неё в наушниках? О чём она мечтает? Кого любит? Боится ли она начинать новую жизнь или, наоборот, ждёт не дождётся, когда останется одна?

Наверное, ждёт. Натали в её возрасте тоже ждала. Ждала свободы, любви, счастья. Дождалась.

Она покосилась на Чарльза. Профиль у него был краси-

вый — чёткий, волевой, с лёгкой сединой на висках. Таким мужчинам женщины оборачиваются вслед. Таким доверяют. Таким отдают свои жизни.

Она отдала. И теперь не знала, что с этой жизнью делать.

— Не молчи, — вдруг сказал Чарльз, не глядя на неё.

Натали вздрогнула.

— Что?

— Скажи что-нибудь. Атмосфера в машине как в морге.

Она чуть не рассмеялась. Он хотел, чтобы она разряжала обстановку. Как всегда. Чтобы она была клоуном, аниматором, тем, кто заполняет тишину, потому что ему самому нечего сказать.

— О чём? — спросила она ровно.

— О чём угодно. О погоде. О том, как доедем. Об Оливии.

При упоминании дочери Натали обернулась назад. Оливия сидела, откинувшись на спинку сиденья, и смотрела в окно. В наушниках что-то играло — ритмичное, тяжёлое, Натали слышала приглушённые басы. Дочь была в своём мире. В мире, куда родителям входа нет.

— Оливия, — позвала Натали.

Дочь не отреагировала.

— Оливия! — громче.

Оливия вздрогнула, вытащила один наушник.

— Чего?

— Ты как? Волнуешься?

Оливия посмотрела на неё так, будто мать спросила что-

то невероятно глупое.

— Нормально, — сказала она. — Не волнуюсь.

— А что ты чувствуешь?

— Мам, — в голосе дочери появилось знакомое раздражение. — Я просто еду в колледж. Все едут. Что я должна чувствовать?

Натали открыла рот, чтобы ответить, но Чарльз её опередил.

— Мама хочет как лучше, — сказал он тоном, который означал «не груби». — Могла бы и ответить нормально.

Оливия закатила глаза. Надела наушник обратно. Отвернулась к окну. Разговор был окончен.

Натали отвернулась и тоже уставилась в лобовое стекло. Дорога

тянулась бесконечной серой лентой. Справа мелькали деревья, слева — поля, впереди — горизонт, который всё время ускользал.

— Спасибо, — тихо сказала Натали.

Чарльз удивлённо посмотрел на неё.

— За что?

— За то, что вступился.

Он хмыкнул.

— Это моя дочь. Я имею право.

«Наша дочь», — хотела поправить Натали. «Наша. Не только твоя». Но она промолчала.

Дорога до колледжа заняла три часа. Три часа молчания,

прерываемого только редкими фразами Чарльза о дорожных знаках и пробках. Три часа, за которые Натали успела прокрутить в голове всю свою жизнь. От первой встречи с Чарльзом до сегодняшнего утра.

Она вспомнила, как они познакомились. Ей было двадцать, она работала в маленьком кафе, мечтала о море и о том, чтобы однажды сесть в поезд и уехать куда глаза глядят. Он пришёл с деловым партнёром, заказал кофе и посмотрел на неё так, будто увидел что-то, чего никто не видел. Через месяц они поженились. Через год родилась Оливия.

И жизнь потекла. Река, которая сначала была быстрой и чистой, а потом вдруг стала стоячим болотом.

Натали часто думала: где та девочка, которая хотела увидеть море? Которая мечтала писать картины, путешествовать, любить до потери пульса? Куда она делась?

Ответ был прост: она осталась там, в том кафе. А замуж вышла другая

женщина. Та, которая умела молчать. Та, которая не спорила. Та, которая сидела справа.

— Приехали, — сказал Чарльз.

Натали очнулась.

Они стояли перед большим кирпичным зданием с колоннами. Вокруг сновали студенты с рюкзаками, родители с коробками, люди в форме охраны. Оливия вытащила наушники и уставилась по сторонам.

— Ничего себе, — сказала она тихо.

В голосе впервые за утро появилось что-то живое. Не раздражение, не защита. Удивление. И может быть, чуть-чуть волнения. Натали обернулась к ней.

— Красиво, да?

— Ага.

Чарльз уже вышел из машины и открывал багажник. Натали и Оливия остались в салоне одни.

— Мам, — вдруг сказала Оливия.

Натали повернулась.

— Что?

— Я... — Оливия запнулась, подбирая слова. — Я не хотела грубить.

Натали улыбнулась. Впервые за сегодня.

— Я знаю, милая. Всё хорошо.

— Ты будешь звонить?

— Если ты захочешь.

— Захочу.

Они смотрели друг на друга несколько секунд. В этом взгляде было больше, чем в любых словах. Прощание. Любовь. Надежда.

Потом Оливия открыла дверь и вышла. Натали вышла следом.

Чарльз уже тащил чемодан к крыльцу.

— Давай быстрее, — бросил он через плечо. — Нам ещё зарегистрироваться, получать ключи, показывать ей комнату.

Оливия посмотрела на мать с выражением «ну вот, начи-

нается».

— Пап, я сама могу. Мне не нужно, чтобы вы заходили в комнату.

— Мы зайдём, — отрезал Чарльз. — Я хочу видеть, где будет жить моя дочь.

Оливия закатила глаза, но спорить не стала. Бесполезно.

Они вошли в здание. Внутри пахло свежей краской, кофе и молодостью. Стены были увешаны объявлениями, расписаниями, флажками. Студенты сновали туда-сюда, громко разговаривали, смеялись.

Натали почувствовала себя старой. Очень старой и очень чужой.

Они подошли к стойке регистрации, получили ключ, бумаги, карту кампуса. Чарльз изучал документы с видом генерального директора, проверяющего годовой отчёт.

— Четвёртый этаж, комната 412, — сказал он. — Лифт справа.

Лифт был маленький, тесный. Они втиснулись втроем с чемоданом, и Натали оказалась прижатой к стене. Чарльз пах одеколоном, Оливия — яблочным шампунем. Два знакомых запаха. Два мира, которые скоро разойдутся навсегда.

Четвёртый этаж. Длинный коридор с зелёными дверями. Номер 412 — в самом конце. Чарльз открыл дверь. Комната оказалась маленькой, но чистой. Две кровати, два стола, два шкафа. Окно выходило во внутренний дворик, где студенты уже играли в фрисби. На одной из кроватей сидела девушка

с рыжими волосами и ноутбуком на коленях.

— Привет, — сказала она, вставая. — Ты Оливия? Я Мэдисон, твоя соседка.

Оливия улыбнулась — искренне, открыто.

— Привет. Классно.

Девушки пожали руки. Чарльз прочистил горло.

— Я отец Оливии, — сказал он тоном, которым представлялся на деловых встречах. — Чарльз Вуд. А это моя жена, Натали.

Хлоя вежливо кивнула.

— Очень приятно. Не волнуйтесь, я хорошая соседка. Не храплю, не курю, учусь на отлично.

Оливия фыркнула.

— Ты прямо идеальная.

— Стараюсь, — подмигнула Хлоя.

Натали смотрела на эту сцену и чувствовала, как напряжение последних дней понемногу отпускает. Мэдисон была хорошая. Живая. Настоящая. Рядом с такой дочери будет легче.

— Ну что, — Чарльз поставил чемодан посреди комнаты. — Давайте распаковывать. Нам ещё ехать обратно.

— Пап, — Оливия посмотрела на него умоляюще. — Можно я сама? Пожалуйста.

Чарльз нахмурился.

— Я хочу убедиться, что всё в порядке.

— Всё в порядке, — вмешалась Натали тихо. — Правда,

Чарльз.

Девочки сами разберутся.

Он посмотрел на неё долгим взглядом. Натали выдержала его. Не отвела глаз. Впервые за долгое время.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Но мы будем на связи. Если что-то понадобится — сразу звони.

— Обязательно, — Оливия подошла к отцу и, к его удивлению, обняла его. — Спасибо, пап.

Чарльз замер на секунду, потом неловко похлопал её по спине.

— Ладно, ладно. Веди себя хорошо. Учись.

— Постараюсь.

Он отпустил её и повернулся к выходу.

— Натали, идём.

Натали не двинулась с места.

— Я через минуту, — сказала она. — Хочу попрощаться.

Чарльз посмотрел на неё, хотел что-то сказать, но передумал. Вышел в коридор. Дверь закрылась за ним с тихим щелчком.

Они остались вдвоём.

— Мам, — Оливия подошла к ней. — Ты как?

— Я? — Натали улыбнулась, хотя глаза защипало. — Я нормально. Я за тебя рада.

— Ты плачешь?

— Нет. Просто... пыльно.

Оливия усмехнулась. И обняла мать. Крепко, по-настоя-

щему. Так, как не обнимала уже много лет.

— Я буду скучать, — прошептала она.

— Я тоже, — ответила Натали в её волосы. — Но это правильно. Ты должна жить свою жизнь.

— А ты?

Натали замерла.

— Что — я?

— Ты будешь жить свою?

Оливия отстранилась и посмотрела матери в глаза. Взгляд был взрослый, серьёзный. Не тот, каким дочь смотрела вчера за ужином.

— Я не знаю, — честно ответила Натали. — Но попробую.

Оливия кивнула.

— Попробуй. Ты заслужила.

Они стояли в маленькой комнате общежития, и Натали вдруг поняла, что это не просто прощание. Это передача эстафеты. Оливия начинала свою жизнь. А Натали... Натали наконец-то начинала свою.

— Я позвоню вечером, — сказала Оливия.

— Я буду ждать.

Ещё одно объятие. Короткое, но наполненное до краёв. Потом Натали разжала руки, повернулась и вышла в коридор.

Чарльз стоял у лифта, нетерпеливо постукивая ключами по ладони.

— Наконец-то, — сказал он. — Поехали.

Они спустились вниз, вышли на улицу. Солнце всё так же ярко светило, студенты всё так же бегали с коробками. Жизнь продолжалась.

Натали села в машину на своё обычное место. Справа.

Чарльз завёл двигатель и вырулил с парковки.

— Ну вот и всё, — сказал он, когда колледж скрылся за поворотом. — Вырастили.

— Да, — ответила Натали. — Вырастили.

Она смотрела в окно на проносящиеся мимо деревья и думала о том, что внутри неё что-то изменилось. Что-то маленькое, почти незаметное, но важное.

Она не знала, что это было. Но она чувствовала — это начало.

Глава 3

Ночь прошла в тягучем, поверхностном сне, полном обрывков снов, которые растворялись при первой попытке за них уцепиться. Натали просыпалась несколько раз — в два, в четыре, в половине шестого — и каждый раз ей казалось, что она слышит шаги Оливии на лестнице. Но лестница молчала. Дом молчал. Даже Чарльз, обычно похрапывающий во сне, этой ночью дышал тихо, будто тоже прислушивался к пустоте.

В семь утра Натали сдалась. Она аккуратно выбралась из постели, стараясь не разбудить мужа, накинула халат и бо-сиком спустилась вниз. Кухня встретила её утренним полумраком. Натали открыла шторы, и серый свет утра залил помещение. Август заканчивался, и небо за окном было тяжёлым, низким, обещающим дождь.

Она включила кофемашину — Чарльз не признавал турку, говорил, что это для хипстеров и бездельников, — и достала из холодильника яйца, бекон, овощи для салата. Завтрак был ритуалом. Чарльз любил ритуалы. Они создавали иллюзию порядка в мире, который на самом деле был хаосом.

Натали готовила механически. Руки сами резали помидоры, взбивали яйца, жарили бекон до хрустящей корочки, которую любил муж. Мысли были где-то далеко. Вчерашний

день прокручивался в голове снова и снова, как заезженная пластинка.

Общежитие. Хлоя. Прощание. Взгляд Оливии.

«А ты будешь жить свою жизнь?»

Натали замерла с ножом в руке, глядя на нарезанные помидоры, которые уже начали пускать сок. Буду ли?

— Чарльз, завтрак готов! — крикнула она в пустоту, хотя знала, что он уже спускается.

Она слышала его шаги на лестнице — уверенные, тяжёлые, каждый

день одинаковые. Чарльз не менялся. Ни в привычках, ни в расписании, ни в отношении к ней. Двадцать лет он спускался по этой лестнице в одно и то же время, садился на одно и то же место, разворачивал салфетку одним и тем же движением.

Он вошёл на кухню — идеально выбритый, в свежей рубашке, с уже собранным портфелем, который поставил у двери, чтобы не забыть.

— Доброе утро, — сказал он, усаживаясь за стол.

— Доброе.

Натали поставила перед ним тарелку с яичницей и беконом, салат в отдельной миске, тосты в плетёной корзинке. Чарльз одобрительно кивнул и взял вилку. Она села напротив со своей чашкой кофе. Есть не хотелось. Вообще ничего не хотелось.

— Сегодня встреча с инвесторами, — начал Чарльз, раз-

резая яйцо так, что желток растёкся ровной лужицей. — Если всё пойдёт по плану, к концу года запустим новый проект. Тот, про который я тебе говорил. С недвижимостью.

Натали кивнула, хотя не помнила никакого проекта. Она давно перестала слушать его рассказы о работе. Они были как шум дождя — монотонные, бесконечные, не требующие ответа.

— Джонсон опять тянет с подписанием, — продолжал Чарльз, жуя бекон. — Говорит, нужно проверить документы. Я ему доверяю, но такие задержки... — Он покачал головой. — В бизнесе время — деньги.

Натали смотрела в окно. Там, на ветке старого клёна, сидела ворона и чистила перья. Обычное дело. Обычное утро. Обычная жизнь.

— А ты что думаешь? — спросил Чарльз.

— Что?

— Я спрашиваю, что ты думаешь по поводу Джонсона.

Натали перевела взгляд с вороны на мужа. Он смотрел на неё с лёгким нетерпением, ожидая ответа. Как будто её мнение имело значение. Как будто она вообще когда-либо влияла на его решения.

— Я думаю... — начала она и вдруг остановилась. Слова застряли в горле. Не потому, что она не знала, что сказать о Джонсоне. А потому, что внутри неё вдруг поднялась волна чего-то давно забытого. Злости? Отчаяния? Желания?

— Что? — переспросил Чарльз, отвлекаясь от еды.

Натали посмотрела на него. На его идеально выбритые щёки. На дорогой галстук, который она же ему и подарила на прошлое Рождество. На руки, уверенно держащие вилку. На человека, с которым она прожила двадцать лет. И вдруг, неожиданно даже для самой себя, она сказала:

— Может, нам развестись?

Вилка замерла на полпути ко рту.

Чарльз застыл. Абсолютно неподвижно, будто кто-то нажал паузу в фильме. Только желток медленно стекал с вилки обратно на тарелку.

Натали смотрела на него и чувствовала, как сердце колотится где-то в горле. Она не планировала этого говорить. Слова вырвались сами, как птица, которая слишком долго сидела в клетке и наконец нашла открытую дверцу.

Чарльз медленно опустил вилку на тарелку. Звякнул металл о фарфор. Он поправил галстук — механическое движение, которое делал всегда, когда нервничал или когда не знал, что сказать. Прочистил горло. Открыл рот. Ничего.

Он смотрел на неё, и в его глазах Натали увидела то, чего никогда не видела раньше. Растерянность. Чарльз Вуд, который всегда знал, что правильно, а что нет, который всегда имел ответ на любой вопрос, который управлял компанией с сотнями подчинённых, — он не знал, что сказать собственной жене.

Чарльз резко встал, задел стул, который с грохотом отъехал назад. Схватил портфель, стоявший у двери. И вышел.

Щёлкнул замок входной двери. Шум машины, заводящейся на подъездной дорожке. И тишина.

Натали осталась одна за столом. Она сидела неподвижно, глядя на недоеденный завтрак Чарльза. На яичницу, которая уже начала остывать. На салат, который он даже не тронул. На пустой стул напротив.

Она машинально допила остывший кофе, помыла посуду, убрала еду в холодильник. Тело двигалось само, по привычке, выработанной годами. А мысли... мыслей не было. Только пустота и лёгкое головокружение, будто она слишком быстро встала.

Офис находился в центре города, в двадцати минутах езды на машине. Натали работала здесь уже десять лет — ведущим специалистом отдела по работе с клиентами в крупной страховой компании. Работа была скучной, предсказуемой, но стабильной. Как и всё в её жизни.

Она припарковалась на своём обычном месте, прошла через турникет, поздоровалась с охранником, который знал её в лицо, и поднялась на четвёртый этаж. Лифт открылся, и её сразу накрыло привычным офисным гулом. Звонки телефонов, стук клавиатур, приглушённые разговоры. Запах кофе и бумаги. Десять лет. Десять лет она приходила сюда каждый день, садилась за свой стол, отвечала на письма, обзванивала клиентов, улыбалась коллегам.

Мысль ударила неожиданно, когда она проходила мимо

окна в коридоре. Натали остановилась и посмотрела на серое небо за стеклом. За десять лет она ни разу не уезжала отдыхать. Ни разу не просыпалась позже восьми в будний день. Ни разу не сказала «я устала, мне нужно отдохнуть».

Она была женой. Матерью. Хорошим работником. Но когда она была женщиной?

— Натали! Привет!

Голос Виктории вырвал её из задумчивости. Подруга и коллега — единственный человек в этом офисе, с которым можно было поговорить по-настоящему, — быстро шла по коридору, цокая каблучками. Вики была ровесницей Натали, но выглядела моложе — короткая стрижка, яркая помада, вечно горящие глаза.

— Привет, — Натали попыталась улыбнуться.

— Ну как? — Вики подхватила её под руку и повела к их кабинету. — Как Оливия? Уехала?

— Уехала, — кивнула Натали. — Вчера отвезли. Комната красивая, соседка хорошая. Вроде всё нормально.

— А ты как?

— Я?

— Ты выглядишь... — Вики запнулась, подбирая слово. — Уставшей. Сильно уставшей.

Они зашли в кабинет, который делили вдвоём. Небольшое помещение с двумя столами, шкафом для документов и большим окном во всю стену. Вики закрыла дверь и повернулась к подруге.

— Сядь, — сказала она.

— Я в порядке, — машинально ответила Натали, но села.

— Ты не в порядке. Ты выглядишь так, будто не спала неделю. Мешки под глазами, кожа серая... Натали, когда ты в последний раз была в отпуске?

Натали открыла рот и закрыла.

— Вот именно, — Вики села на свой стул и придвинулась ближе. — За десять лет, что ты здесь работаешь, ты не брала отпуск ни разу. Я помню. Ты всегда говорила «потом», «когда Оливия подрастёт», «когда закончится проект». Оливия выросла. Проекты никогда не заканчиваются. Когда?

Натали смотрела в окно. За стеклом побежали первые капли дождя. Серое небо, серый город, серая жизнь.

— Я хочу развестись с Чарльзом, — сказала она.

Вики замерла.

Натали почувствовала её взгляд, но не обернулась. Продолжала смотреть на дождь. На капли, которые стекали по стеклу, встречались, расходились, исчезали.

— Что? — тихо спросила Вики.

— Я сегодня сказала ему за завтраком. Спросила, может, нам развестись.

— И что он?

— Ничего. Встал и ушёл.

Тишина. Такая же густая, как в пустом доме утром.

— Ты серьёзно? — голос Вики звучал осторожно, будто она боялась спугнуть эту внезапную откровенность.

— Не знаю, — честно ответила Натали. — Наверное, серьёзно. Я не думала об этом раньше. Никогда не думала. А сегодня утром вдруг сказала. Сама не поняла, как.

Она наконец повернулась к подруге. Вики смотрела на неё с выражением, которое трудно было расшифровать. Удивление? Восхищение? Страх?

— И давно ты это носишь в себе?

— Я не носила, — Натали покачала головой. — Оно само вылезло. Как сорняк. Или как... не знаю. Может, я просто устала.

— Ты устала, — твёрдо сказала подруга. — Ты устала так, как устают люди, которые десять лет не брали отпуск. Которые двадцать лет были женой и матерью и ни разу не спросили себя, чего хотят сами.

Натали молчала.

— Ты помнишь, чего ты хотела? — спросила она тихо. — До Чарльза, до Оливии, до этой работы? Ты помнишь?

Натали закрыла глаза. Море. Она хотела моря. Она хотела стоять на берегу, слушать волны, чувствовать солёные брызги на лице. Она хотела путешествовать, смотреть на закаты в разных концах света. Она хотела любить — не по обязанности, не по привычке, а так, чтобы сердце замирало.

— Помню, — сказала она, открывая глаза. — Море.

Вики улыбнулась.

— Отличный выбор. Море — это хорошо.

Они помолчали. Дождь за окном усилился, барабанил по

стеклу, смывал пыль с города.

— Что ты будешь делать? — спросила Вики.

— Работать, — Натали посмотрела на свой стол, заваленный бумагами. — Пока не знаю. Но сегодня — работать.

Она встала, подошла к своему месту, включила компьютер. Десять лет она включала этот компьютер каждое утро. Сегодня почему-то кнопка показалась тяжелее.

Вики смотрела на неё из-за своего стола.

— Натали, — сказала она. — Если что — я рядом. Ты знаешь.

— Знаю, — Натали обернулась и улыбнулась — впервые за день по-настоящему. — Спасибо.

— Иди уже работай, — махнула она рукой. — Клиенты ждут.

Натали села за компьютер, открыла почту, начала просматривать письма. Пальцы двигались по клавиатуре привычно, быстро, почти автоматически. Но мысли были далеко.

Море.

Она смотрела в монитор, а видела перед собой бескрайнюю синюю гладь. Слышала шум волн. Чувствовала ветер. Интересно, солёная вода смывает усталость? Или только добавляет? Она не знала. Но ей вдруг захотелось проверить. Захотелось впервые за двадцать лет.

Натали тряхнула головой, прогоняя видение, и углубилась в рабочую переписку. В конце концов, до моря нужно

ещё доехать. А пока — письма, звонки, отчёты. Привычная жизнь, которая сегодня почему-то стала чуть менее привычной. Чуть более чужой. Или, наоборот, своей?

Она не знала. И это незнание вдруг показалось не страшным, а почти сладким.

За окном шумел дождь, смывая пыль с города. Внутри Натальи тоже что-то смывало пыль. Медленно, капля за каплей. Может быть, это была надежда.

Глава 4

Вечер опустился на дом бесшумно, как падает лист с осеннего дерева — медленно, неотвратно, без права на возвращение.

Натали сидела на диване в гостиной, поджав под себя ноги, и смотрела в телевизор. Стекло экрана отражало комнату — тяжёлые портьеры, которые Чарльз выбрал пять лет назад и которые ей никогда не нравились, кофейный столик из тёмного дерева, на котором стояли два бокала с недопитым вином, и самого Чарльза в кресле напротив.

Новостной канал вещал о политическом кризисе в какой-то далёкой стране, о росте цен на нефть, о новом законе, который вот-вот примут и который, судя по тону диктора, либо спасёт страну, либо погубит. Натали не вслушивалась. Она смотрела на движущиеся картинки, но видела только своё отражение в тёмном стекле телевизора — размытое, нечёткое, почти призрачное.

— Посмотри на этого, — Чарльз кивнул на экран, где какой-то политик размахивал руками на трибуне. — Опять обещает золотые горы. И ведь найдутся идиоты, которые поверят.

Натали промолчала.

— А дикторша, — продолжал Чарльз, отпивая вино. — Грудь опять на два размера больше, чем в прошлом месяце.

Интересно, они там в студии считают, что зрители только на это и смотрят?

Он хмыкнул собственной шутке. Натали молчала. Она молчала так всегда. Двадцать лет молчания, упакованные в вечера перед телевизором, в завтраки с его монологами о работе, в ужины, где единственным звуком был стук вилок о тарелки. Она привыкла. Привыкла настолько, что тишина стала её второй кожей. Но сегодня тишина была другой. Сегодня она звенела.

Телефон на журнальном столике завибрировал, разрывая вечернюю

скуку. Натали посмотрела на экран и почувствовала, как внутри что-то потеплело. Оливия.

— Алло? — она ответила почти сразу, и голос сам собой стал мягче.

— Мам, привет! — голос дочери в трубке звучал бодро, даже слишком бодро, как всегда, когда Оливия хотела что-то сообщить, но боялась реакции. — Ты как?

— Я нормально, — Натали откинулась на спинку дивана, чувствуя, как напряжение начинает отпускать. — Как ты? Как устроилась?

— Ой, мам, тут так круто! — Оливия говорила быстро, захлёбываясь словами. — Мы с Мэдисон уже всё разобрали, комната теперь выглядит супер. Я купила те постеры, о которых думала, помнишь? Которые с выставки современного искусства? Они идеально вписались!

— Помню, — улыбнулась Натали. — Ты ещё переживала, что они слишком большие.

— А они и были слишком большие, но мы их повесили наискосок, и теперь это выглядит как арт-объект, понимаешь?

— Понимаю.

— А ещё, — Оливия понизила голос, хотя в нём всё равно чувствовалось возбуждение, — мы вчера сходили на вечеринку. Тут, в кампусе. Познакомились с кучей народу! Там такие ребята, мам! Один парень играет на гитаре, представляешь? И поёт. Мы до трёх ночи сидели у костра.

Натали слушала и чувствовала, как внутри разливается тепло. Голос дочери был живым, настоящим, полным той юной энергии, которая не знает границ. Оливия была счастлива. По-настоящему.

— Это замечательно, милая, — сказала она. — А с кем ещё познакомилась? Девочки есть?

— Ой, есть одна, Сара, с третьего этажа. Она на биологии учится. Такая прикольная, мы уже договорились вместе в столовую ходить. И ещё...

— Вечеринки, — перебил голос Чарльза. Он даже не повернулся к телефону, продолжая смотреть в телевизор, но тон был тот самый — менторский, осуждающий. — Вечеринки в первую же неделю. Оливия, ты считаешь это разумным?

Натали почувствовала, как Оливия на том конце провода замерла. Пауза длилась секунду, но в ней уместилось всё

раздражение, которое копилось годами.

— Папа, это просто знакомство с людьми, — голос дочери стал ровнее, защитная интонация включилась автоматически.

— Знакомство с людьми может быть и в библиотеке, — Чарльз поправил галстук, хотя галстук давно был снят и висел на спинке кресла. — Ты там учиться должна, а не по вечеринкам ходить. Первая сессия покажет, кто чем занимался.

— Пап, сессия через четыре месяца, — в голосе Оливии прорезались знакомые нотки. — И я уже записалась на все курсы. Всё под контролем.

— Надеюсь, — Чарльз снова уставился в телевизор, где дикторша с «грудью на два размера больше» вещала о погоде на завтра.

Повисла неловкая тишина. Натали сжала телефон крепче.

— Оливия, — мягко сказала она. — Ты молодец. Правда. Я рада, что у тебя всё хорошо.

— Спасибо, мам, — голос дочери оттаял. — Ладно, я пойду. Мэдисон зовёт в столовую, там сегодня пицца обещана.

— Иди. Позвони, когда будет время.

— Позвоню. Как учёба начнётся — позвоню обязательно. Целую.

— И я тебя.

Гудки.

Натали положила телефон на столик и несколько секунд

смотрела на погасший экран. Голос дочери всё ещё звучал в ушах, тёплый, живой. Такой далёкий и такой близкий одновременно.

Чарльз щёлкнул пультом, прибавляя громкость. Дикторша теперь рассказывала о результатах футбольного матча.

Натали смотрела на мужа. Он сидел в своём кресле, как король на троне, уверенный в своём праве судить и оценивать. Правый всегда. Во всём. Двадцать лет он был прав. Двадцать лет она молчала.

— Чарльз, — сказала она.

Голос прозвучал неожиданно громко в тишине комнаты. Чарльз не обернулся.

— М?

— Мы не договорили утром.

Он замер. Пульт застыл в руке. Потом медленно, очень медленно он нажал кнопку «пауза». Дикторша замерла с открытым ртом на полуслове. Чарльз повернулся к ней.

— Ты о чём?

— Ты знаешь, о чём.

Тишина повисла между ними густая, как кисель. Натали смотрела на мужа и видела, как в его глазах мелькает что-то — раздражение? Страх? Непонимание?

— Натали, — начал он осторожно. — Я думал, ты не серьёзно. С утра. Из-за Оливии, из-за переезда... Ты была в стрессе. Люди говорят глупости, когда...

— Это не было глупостью, — перебила она.

Чарльз моргнул. Она никогда его не перебивала.

— Что?

— Я не в стрессе, — сказала Натали, и каждое слово давалось с трудом, будто она поднимала тяжёлые камни. — Или в стрессе, но не поэтому. Чарльз, мы... Мы уже давно живём как соседи.

Он смотрел на неё, и на его лице медленно проступало выражение, которого она никогда не видела. Не гнев. Не презрение. Что-то похожее на... растерянность?

— Что ты несёшь? — спросил он. — Какие соседи? Мы женаты почти двадцать лет.

— Двадцать лет, — кивнула Натали. — И за эти двадцать лет мы ни разу не говорили по-настоящему.

— Мы говорим каждый день, — Чарльз обвёл рукой комнату, будто призывая телевизор, диван, стены в свидетели. — Сейчас вот говорим. Утром говорили.

— Ты говоришь, — поправила Натали. — Я слушаю. Это не разговор.

Он открыл рот, чтобы возразить, но она не дала.

— Когда ты в последний раз спрашивал меня, что я чувствую? — спросила она. — Не «как прошёл день», не «что на ужин», а что у меня внутри? Что я думаю? Чего боюсь? О чём мечтаю?

Чарльз молчал.

— Я не знаю, — продолжала Натали, и голос её дрогнул. — Ты сказал, что романтика всегда пропадает. Может

быть. Но когда она пропадает, остаётся что-то другое. Дружба. Уважение. Нежность. А у нас не осталось ничего.

— У нас семья, — глухо сказал Чарльз. — У нас дочь. Дом. Общее прошлое.

— Прошлое — это не настоящее, — Натали покачала головой. — Мы спим в одной кровати, но не касаемся друг друга. Мы едим за одним столом, но молчим. Мы смотрим один телевизор, но каждый думает о своём. Чарльз, мы не знаем друг друга. Мы уже давно не знаем.

Она замолчала. Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать. Она сказала это. Вслух. Наконец-то.

Чарльз сидел неподвижно, глядя на неё. Пульт выпал из его руки на ковёр, но он не заметил. Долгая, очень долгая пауза.

— Хорошо, — сказал он наконец. Голос звучал ровно, почти механически. — Если ты хочешь, давай разведёмся.

Натали смотрела на него, пытаясь найти в этих словах хоть что-то — боль, сожаление, страх потери. Ничего. Просто констатация факта. Как будто он соглашался переставить мебель.

Чарльз встал. Медленно, с достоинством, как вставал всегда — король, покидающий трон после скучного приёма. Он поправил рубашку, одёрнул её, будто собирался на важную встречу.

— Я в кабинет, — сказал он. — Дела.

И вышел. Шаги в коридоре. Стук двери кабинета — тя-

жёллой, дубовой, за которой он всегда прятался от всего, что требовало настоящих эмоций.

Тишина.

Натали осталась одна в гостиной. Телевизор молчал с открытым ртом дикторши. Вино в бокалах выдохлось. За окном стемнело окончательно.

Она сидела, глядя на пустое кресло напротив, и пыталась понять, что

сейчас произошло. Она добилась своего? Он согласился? Почему тогда внутри так пусто и холодно?

«Потому что ты надеялась на другое», — шепнул внутренний голос. — «Ты надеялась, что он будет бороться. Что ты для него что-то значишь».

Натали закрыла глаза. Глупая. Какая же ты глупая, Натали. Двадцать лет — и ты всё ещё ждёшь от него чуда.

Она открыла глаза, взяла свой бокал, допила вино — кислое, противное, но хоть что-то, чем можно заполнить пустоту. Потом встала, выключила телевизор, погасила свет и пошла наверх. Мимо кабинета с плотно закрытой дверью. В спальню, где пахло его одеколоном и её одиночеством. Она легла на свою половину кровати, глядя в потолок, и думала о том, что жизнь только что сделала крутой поворот. Куда он ведёт — она не знала. Но впервые за долгое время ей было не всё равно.

Где-то в доме тикали часы. Где-то за стеной шуршал Чарльз своими бумагами. Где-то далеко Оливия, наверное,

сидела у костра с новыми друзьями.

А Натали лежала в темноте и ждала утра. Утра новой жизни.

Они вышли из здания суда, и солнце ударило в глаза, заставив Натали зажмуриться. Здание суда было старым, с облупившейся краской на колоннах и тяжёлыми дубовыми дверями, которые за ними с грохотом захлопнулись. Натали обернулась, посмотрела на эти двери. Десять минут. Всего десять минут понадобилось, чтобы перечеркнуть двадцать лет.

Чарльз стоял рядом, руки в карманах брюк, глядя куда-то в сторону парковки. Он был спокоен. Абсолютно спокоен. Таким же спокойным он выходил с деловых встреч, подписывал контракты, закрывал сделки.

— Что ж, — сказал он, не глядя на неё. — Теперь мы официально
разведены.

Натали кивнула.

— Да.

Голос прозвучал чужим, будто не её. Она и правда не думала, что это будет так просто. Двадцать лет брака, общий дом, общая дочь, общее прошлое — и десять минут в душном кабинете с уставшей судьёй, которая даже не подняла на них глаз, когда ставила свою подпись.

— Надо решить, что с имуществом, — Чарльз достал из

кармана ключи от машины, повертел в руках. — Дом. Машина. Счета.

— Машина твоя, — ответила Натали. Голос всё ещё звучал отстранённо, будто она говорила о ком-то другом. — Я никогда не умела водить.

Чарльз хмыкнул.

— Да, я помню. Ты так и не научилась. Хотя я предлагал.

Предлагал. Да, он предлагал. Десять лет назад. А потом перестал, потому что ей было не нужно. Потому что он всё равно водил сам. Потому что она никуда не ездила без него.

— Дом, — продолжил Чарльз деловито. — Мы можем его продать. Рынок сейчас хороший, цены выросли. Разделим пополам, каждому хватит на приличную квартиру.

Натали посмотрела на него. Он говорил о доме так, будто речь шла о партии акций или старом диване, который пора выбросить.

— Но ведь это наш дом, — сказала она тихо. — Наш дом, Чарльз. Наша дочь выросла в нём. Там на косяке двери отметины от её роста. Каждый год, с трёх лет до шестнадцати, мы ставили чёрточки. Помнишь?

Чарльз замер. Ключи в его руке перестали вращаться.

— Помню, — сказал он после паузы.

И замолчал.

Натали смотрела на него, пытаясь найти в этом лице, таком знакомом и таком чужом, хоть что-то. Хоть искру. Хоть намёк на то, что эти двадцать лет значили для него хоть что-

то.

Ничего.

Он просто стоял, руки в карманах, глядя куда-то мимо неё. На парковку, где ждала его машина. На свою новую жизнь, которая начиналась прямо сейчас.

Натали вздохнула. Глубоко, тяжело, будто выдыхала всю свою прошлую жизнь.

— Я сниму квартиру, — сказала она. — Для себя.

Чарльз перевёл взгляд на неё. Впервые за весь разговор посмотрел в глаза.

— А дом?

— Мы будем встречаться в этом доме, когда Оливия будет приезжать на каникулы, — Натали говорила ровно, спокойно, хотя внутри всё дрожало. — Она должна знать, что у неё есть дом. Где её комната, где её вещи, где её детство. Мы сможем... мы сможем быть там вместе, когда она приезжает. Ради неё.

Чарльз смотрел на неё долго.

— Хорошо, — сказал он наконец.

И всё. Ни спора. Ни возражений. Ни попытки предложить что-то другое. Просто «хорошо».

Чарльз развернулся и пошёл к машине. Шаги его чётко отдавались на

асфальте. Уверенные, деловые, быстрые. Он открыл дверь, сел, завёл двигатель.

Натали стояла на ступеньках суда и смотрела, как чёр-

ный внедорожник вырывается с парковки. Как мелькает через стекло его силуэт. Как машина набирает скорость, сворачивает за угол и исчезает. Исчезает так же легко, как исчезли двадцать лет её жизни.

Ветер дул сильнее, заставлял шуриться. Натали стояла одна перед зданием суда, и в голове билась одна мысль: неужели действительно всё так просто? Двадцать лет замужества. Двадцать лет завтраков, ужинов, молчания, телевизора, одной кровати, одного дома, одного ребёнка. Двадцать лет, которые должны были хоть что-то значить. А оказалось — ничего.

Он уехал, даже не обернувшись. Даже не сказав «прощай». Просто сел в машину и уехал. Как будто они не были знакомы. Как будто эти двадцать лет приснились.

Глава 5

К вечеру офис выдыхал. Люди собирали вещи, щёлкали выключателями, перебрасывались фразами о планах на вечер. Где-то смеялись, где-то спорили, где-то уже заказывали пиццу, чтобы задержаться и доделать отчёты. Обычная жизнь обычного офиса в обычный день.

Натали сидела за своим столом и смотрела на монитор, не видя ни одной буквы. Три дня прошло с тех пор, как она подписала бумаги. Три дня, как она переехала в съёмную квартиру. Три дня, как Чарльз уехал с парковки суда, даже не обернувшись.

Она думала, что будет легче. Что пустота внутри заполнится чем-то новым. Но пока заполнялась только тишиной.

— Натали, ты ещё здесь? — Вики заглянула в кабинет, уже в куртке, с сумкой через плечо. — Я ухожу. Крис за мной заедет, у нас ужин с его родителями. Представляешь этот ужас?

Натали через силу улыбнулась.

— Удачи. Держись.

— Держусь, — Вики внимательно посмотрела на подругу. — А ты как? Нормально?

— Нормально.

— Врёшь, — Вики вздохнула. — Ладно, я побежала. Завтра созвонимся?

— Конечно.

Дверь закрылась, и Натали осталась одна.

Она посмотрела на часы. Без пяти шесть. Начальник ещё на месте — она видела, как он проходил в свой кабинет полчаса назад с чашкой кофе и кипой бумаг.

Сейчас или никогда.

Натали встала, поправила блузу — бежевую, конечно, другого у неё и не было — и направилась по коридору. Сердце колотилось где-то в горле, хотя чего бояться? Она просто просит отпуск. Законное право любого работника.

Кабинет начальника был в конце коридора, с табличкой «Стивен Рид, директор по персоналу». Натали постучала.

— Войдите.

Стивен сидел за столом, изучая какие-то документы. Лет пятидесяти, с добрыми глазами за очками в тонкой оправе и вечно взъерошенными волосами. Он руководил отделом уже лет семь и всегда относился к Натали с уважением — за её ответственность, пунктуальность и умение не создавать проблем.

— Натали, — он поднял голову и улыбнулся. — Заходите. Что-то случилось?

— Нет, — она прикрыла дверь и подошла к столу. — Стивен, я... я хотела попросить отпуск.

Он удивлённо поднял брови.

— Отпуск? Вы? Натали, вы за десять лет ни разу не брали отпуск. Я уже думал, вы вообще не знаете, что это такое.

Она слабо улыбнулась.

— Знаю. Просто... обстоятельства изменились. Мне нужно уехать.

Стивен откинулся на спинку кресла, снял очки и посмотрел на неё внимательно.

— Выглядите вы уставшей, если честно. Давно пора. Сколько вам нужно?

— Две недели. Можно?

— Можно три, — он усмехнулся. — Накопилось-то у вас... Натали, у вас там, наверное, год отпуска скопился. Берите сколько хотите.

— Спасибо, — выдохнула она. — Двух недель достаточно.

— Хорошо. Заявление завтра принесёте, я подпишу. — Он помолчал. — Натали, всё в порядке? Вы какая-то... не такая.

— Всё хорошо, — ответила она. — Правда. Просто... решила начать жить.

Стивен посмотрел на неё с лёгким удивлением, но ничего не сказал. Только кивнул.

— Ну, живите. Отдыхайте. Заслужили.

Она вышла из офиса в тёплый вечерний воздух. Солнце клонилось к закату, раскрашивая небо в оранжево-розовые тона. Город шумел, дышал, жил своей жизнью.

Натали поймала такси и назвала адрес новой квартиры. Маленькая студия на пятом этаже старого дома без лифта. Две комнаты — кухня, совмещённая с гостиной, и спальня,

такая крошечная, что кровать занимала почти всё пространство. Мебель чужая, стены чужие, запах чужой. Но это было её. Впервые в жизни — только её.

Тишина.

Она открыла дверь, включила свет и села на диван. Но теперь это была другая тишина. Не та, тягучая и гнетущая, которая заполняла огромный дом после ухода Чарльза. Эта тишина была лёгкой. Как чистый лист бумаги, на котором ещё ничего не написано.

Натали посмотрела на свои руки. На кольцо, которого больше не было. На гладкую полоску кожи, где оно двадцать лет оставляло след.

— Пора, — сказала она вслух. — Пора делать то, о чём мечтала.

Она достала телефон.

Пальцы дрожали, когда она открывала сайт с билетами. Странно — она не волновалась так даже перед подписанием бумаг о разводе. Это было другое. Это был шаг в неизвестность.

Она набрала в поиске — «билеты к морю, горящие предложения». Выпал десяток вариантов. Турция, Греция, Испания, Италия, Хорватия. Названия мелькали перед глазами, такие далёкие и такие манящие.

Она выбрала маленький городок в Италии. Потому что на фотографиях было синее-синее море и белые домики на скалах. Потому что там был отель «Каменный цветок» — она

увидела его фото случайно и влюбилась сразу. Маленький, уютный, с террасой, увитой цветами.

Билеты.

Натали замерла пальцем над кнопкой «оплатить». Единственные свободные места были на послезавтра. Через два дня. Она не успеет собраться. У неё даже купальника нет. Вообще ничего подходящего — весь гардероб состоял из офисных нарядов, которые выбирал Чарльз или которые она покупала, думая «это практично».

Она не была на море. Не была в отпуске. Не покупала купальник с тех пор, как Оливия была маленькой.

— Глупости, — сказала она вслух. — Купальник можно купить. Платья можно купить. Билеты завтра могут кончиться.

Она нажала «оплатить».

Сердце ухнуло куда-то вниз, когда пришло подтверждение. Оплачено. Билеты куплены. Отель забронирован. Через два дня она улетает к морю. Одна. Впервые в жизни одна.

Натали отложила телефон и откинулась на спинку дивана. Голова кружилась. Что она наделала? Зачем? Куда она едет? Что она будет там делать одна?

Но где-то глубоко внутри, под слоем страха и неуверенности, пульсировало маленькое, тёплое чувство. Предвкушение.

Она улыбнулась. Впервые за много дней — по-настоящему.

Утро субботы встретило её солнечным светом, пробивающимся сквозь тонкие занавески. Натали проснулась рано — привычка, введённая в кровь за годы замужества, — но не встала сразу. Лежала, глядя в потолок, и слушала тишину. Странно. В этой тишине не нужно было прислушиваться, не спит ли Чарльз, не пора ли готовить завтрак, не скрипнула ли дверь Оливии. Можно было просто лежать.

Телефон зажужжал. Вики.

«Я через час буду. Готова? Шопинг начинается!»

Натали усмехнулась. Вики отнеслась к её спонтанному решению с энтузиазмом, которого Натали не ожидала. «Наконец-то! — сказала она вчера по телефону. — Наконец-то ты начинаешь жить! Я с тобой! Я всё брошу!»

Вики приехала ровно через час — взвинченная, с огромным бумажным стаканом кофе в одной руке и списком «что купить» в другой.

— Подъём! — объявила она с порога. — У нас мало времени. Через два дня ты улетаешь, а у тебя даже чемодана нормального нет!

— Чемодан есть, — робко возразила Натали. — Тот, с которым я...

— Нет, — отрезала Вики. — Тебе нужен новый. Для новой жизни.

Она оглядела Натали с ног до головы — та была в старом спортивном костюме, купленном лет пять назад в супермар-

кете.

— И одежда. Боже, Натали, у тебя же вообще ничего нет!

— У меня есть вещи.

— Бежевые, — Вики закатила глаза. — Серые. Белые. Цвета мышь и старая простыня. Ты едешь на море, а не на похороны!

— На похороны моей прошлой жизни, — усмехнулась Натали.

— Тем более! Такие похороны должны быть яркими!

Торговый центр гудел субботней толпой. Дети бегали, пахло попкорном и кофе, из динамиков лилась бодрая музыка. Натали чувствовала себя потерянной — она не ходила по магазинам просто так, без списка, без цели «купить практичные брюки на распродаже» уже много лет.

Вики тащила её через магазины, как буксир тащит корабль.

— Смотри! — она схватила с вешалки ярко-зелёное платье. — Примерь!

— Это слишком ярко, — испугалась Натали.

— Это идеально! Ты на море едешь! Там должно быть ярко!

Натали послушно взяла платье и скрылась в примерочной. Когда она вышла, в зеркало смотреть боялась.

— Ого, — выдохнула Вики. — Повернись.

Натали повернулась. Зелёный шёлк облегал фигуру, которой она не замечала двадцать лет. Цвет делал глаза ярче,

кожу свежее, волосы темнее.

— Ты красавица, — сказала Вика просто. — Берём.

Дальше понеслось. Синее платье с открытыми плечами («ты что, у тебя же плечи красивые!»). Красное — длинное, для вечерних прогулок («будешь пить вино и смотреть на закат»). Лёгкий сарафан в цветах, который Натали постеснялась бы надеть даже дома, но Вики уже тащила его к кассе.

— А теперь купальники, — объявила она.

— Вот для этого я точно не готова, — Натали попятилась.

— Готова. Двадцать лет ты прятала тело под балахонами.

Покажи морю, что ты есть.

Купальников было много. Раздельные, цельные, с воланами, без воланов, яркие, полосатые, цветочные. Натали чувствовала себя девочкой-подростком, которую впервые привели во взрослый отдел.

— Вот этот, — Вики протянула ей бирюзовый раздельный купальник. — Иди меряй.

Натали зашла в примерочную, долго смотрела на себя в зеркало в старом белье, потом медленно надела купальник. Повернулась.

Из зеркала на неё смотрела женщина, которую она не знала. Стройная — когда она успела похудеть? — с длинными ногами, которые она всегда прятала под юбками-карандаш, с плечами, которые не видели солнца двадцать лет.

— Натали! — Вики колотила в дверь. — Вылезай!

Она открыла. Вики присвистнула.

— Вот это да. Вот это женщина. Ты видишь себя? Ты видишь, какая ты?

— Я чувствую себя голой, — честно призналась Натали.

— Ты чувствуешь себя живой, — поправила Вика. — Привыкай. Берём три.

— Три?!

— Один для загара, один для бассейна, один для романтических вечеров. Вдруг там будет красивый итальянец?

— Вики!

— Мечтать не вредно, — подруга подмигнула. — Давай, переодевайся. У нас ещё обувь и сумки.

К вечеру они устали так, что ноги гудели, а в голове шумело от количества купленных вещей. Сидели в маленьком кафе, пили кофе и смотрели на пакеты, заполнившие два стула.

— Спасибо, — сказала Натали. — Я бы сама никогда...

— Знаю, — Вики улыбнулась. — Потому я и пришла.

— Ты правда думаешь, это то, что мне нужно? — Натали погладила пакет с зелёным платьем. — Всё это? Я чувствую себя... не собой.

— Потому что ты никогда не была собой, — Вики стала серьёзной. — Ты была женой. Матерью. Работником. А сейчас ты просто Натали. И эта Натали заслуживает ярких цветов. Заслуживает моря. Заслуживает счастья.

Натали молчала, глядя в окно. За стеклом зажигались фонари, город готовился к ночи.

— А если не получится? — тихо спросила она. — Если я

там буду одна и пойму, что это не моё? Что я не умею быть счастливой?

— Значит, попробуешь ещё раз, — пожала плечами Вики. — И ещё. Пока не получится. Ты двадцать лет терпела несчастье. Потерпишь немного, пока научишься счастью.

Натали посмотрела на неё и улыбнулась.

— Ты удивительная, знаешь?

— Знаю, — Вики подмигнула. — Поэтому я твоя подруга.

Домой Натали вернулась поздно. Разложила покупки на диване — зелёное, синее, красное, бирюзовое. Яркие пятна на серой обивке чужой мебели.

Она взяла в руки купальник. Ткань была мягкой, приятной на ощупь. Она поднесла его к лицу, вдохнула запах нового — магазина, ткани, возможностей.

Завтра она соберёт чемодан. Послезавтра — улетит.

А сегодня она просто сидела на диване в маленькой квартире, окружённая яркими вещами, и чувствовала, как внутри неё потихоньку просыпается что-то, что спало двадцать лет.

Женщина. Живая. Настоящая. Готовая к морю.

Глава 6

Самолёт набирал высоту, и Натали чувствовала, как вместе с ним поднимается над своей старой жизнью.

Город внизу становился всё меньше — сначала исчезли детали, потом дома превратились в спичечные коробки, потом всё скрылось за пеленой облаков. Она прильнула к иллюминатору, как ребёнок, впервые увидевший чудо.

Салон самолёта гудел негромкими голосами, шуршанием пакетов, детским смехом где-то позади. Пахло кондиционером и кофе. Натали сидела у окна — она хотела видеть всё. Каждое облако. Каждую минуту этого полёта.

Рядом с ней, у прохода, расположился мужчина в деловом костюме, который сразу же открыл ноутбук и углубился в таблицы. Она была ему благодарна за то, что он не пытался заговорить. Ей нужно было переварить то, что происходило.

Самолёт шёл ровно, только иногда проваливался в воздушные ямы, и тогда желудок приятно замирал. Натали поймала себя на том, что улыбается. Она летит к морю. Одна. Через несколько часов она увидит его. Настоящее, живое, солёное.

— Напитки! — бодрый голос стюардессы вырвал её из грёз. — Что-нибудь желаете?

Натали повернулась от иллюминатора. Стюардесса улыбалась профессиональной улыбкой, в руках у неё был поднос

с напитками.

— Апельсиновый сок, пожалуйста, — сказала Натали.

Она взяла стаканчик, поставила на откидной столик и снова повернулась к окну. Облака плыли внизу — белые, пушистые, бескрайние. Где-то там, под ними, осталась её прежняя жизнь. Работа, развод, пустая квартира. А здесь, над ними, начиналось что-то новое.

Она отпила сок. Холодный, сладкий, с лёгкой горчинкой. Вкус детства. Вкус праздников, которые она устраивала для Оливии.

— Через два часа начинаем снижение, — объявил пилот по громкой связи.

Сердце ёкнуло.

Два часа пролетели незаметно. Натали смотрела фильм, но не запомнила ни названия, ни сюжета. Мысли то и дело уносились вперёд, к морю, к отелю, к неизвестности.

Потом самолёт действительно начал снижаться. Облака расступились, и Натали ахнула.

Внизу раскинулась зелень — густая, сочная, изумрудная. Леса покрывали холмы, которые спускались к побережью. Маленькие домики с красными черепичными крышами рассыпались по склонам, как игрушечные. Дороги вились змейками, машины казались букашками.

А потом появилось море. Синее. Невозможно синее. Такого синего Натали не видела никогда в жизни. Оно простиралось до горизонта, сливаясь с небом в одной далёкой ли-

нии, где нельзя было понять, где кончается вода и начинается воздух.

Натали перестала дышать. Она прижалась лбом к холодному стеклу иллюминатора, жадно впитывая это зрелище. Море. Её море. То, о котором она мечтала двадцать лет. То, которое снилось ей в серых офисных буднях. То, которое звало.

— Красиво, да? — сосед оторвался от ноутбука и тоже посмотрел в окно.

— Очень, — выдохнула Натали.

— Я тут каждый месяц летаю, — сказал он. — Командировки. И каждый раз, когда вижу это море, думаю — надо бросить всё и остаться. Но не бросаю.

— Почему?

— Привычка, наверное, — он усмехнулся. — Боюсь, что без таблиц и дедлайнов умру от скуки.

Натали посмотрела на него. Лет сорока, уставшие глаза, дорогой костюм. Ещё один бегун в крысиных бегах.

— А вы? — спросил он. — Отдыхать?

— Да, — она улыбнулась. — Отдыхать. От всего.

Он понимающе кивнул, и они замолчали. Каждый думал о своём.

Аэропорт оказался маленьким, уютным, с открытой террасой и пальмами. Натали забрала чемодан — тот самый, новый, ярко-красный, который Вики заставила её купить

(«чтобы сразу было видно — новая жизнь!»), — и вышла на улицу.

Воздух ударил в лицо — тёплый, влажный, пахнущий морем, цветами и ещё чем-то неуловимым, южным. Натали закрыла глаза и глубоко вдохнула. Запах свободы. Запах счастья.

Она нашла остановку автобусов. Нужный рейс был написан от руки на табличке, прикреплённой к столбу скотчем. «Отель „Каменный цветок“». Натали улыбнулась этой неофициальности, этой простоте, так непохожей на выверенную стерильность её прежней жизни.

Автобус был стареньким, потрёпанным и с водителем, который курил, высунувшись в окно. Натали загрузила чемодан в багажное отделение и забралась внутрь.

В салоне было прохладно от кондиционера, пахло бензином и морем. Свободных мест было много. Натали прошла в середину и села у окна.

На соседнем сиденье, через проход, расположилась пожилая пара. Женщина — с короткими седыми волосами, в ярком цветастом платье и огромных солнечных очках — что-то оживлённо рассказывала мужу, показывая в окно. Муж — высокий, худощавый, с добрым лицом и смешными лохматыми бровями — слушал и кивал, изредка вставляя замечания.

Автобус тронулся, и Натали снова уставилась в окно. Городок мелькал за стеклом — маленькие домики, кафе с раз-

ноцветными столиками на улицах, магазинчики с сувенирами, пальмы, цветы, люди в лёгкой одежде.

— Первый раз здесь? — раздался голос справа.

Натали обернулась. Женщина в цветастом платье смотрела на неё с дружелюбной улыбкой.

— Да, — ответила Натали. — Первый.

— Я так и подумала, — женщина говорила с лёгким акцентом, но чисто. — Вы смотрите на всё такими глазами... Знаете, как дети смотрят на ёлку в первый раз. Это не спутаешь.

Натали улыбнулась.

— Наверное, так и есть. Я давно мечтала сюда попасть.

— Мы здесь уже в третий раз, — вмешался мужчина, приподнимаясь и протягивая руку через проход. — Жорж. А это моя жена, Элен.

Натали пожала его руку — сухую, тёплую, крепкую.

— Натали. Очень приятно.

— Натали! — Элен всплеснула руками. — Какое красивое имя! Французское?

— Да, родители назвали. Но я не говорю по-французски, к сожалению.

— Ничего страшного, — махнула рукой Элен. — Мы говорим на всех языках. Жорж, покажи ей, как ты говоришь по-итальянски!

Жорж смущённо улыбнулся и выдал длинную фразу на итальянском, жестикулируя так, будто выступал на оперной

сцене. Натали рассмеялась — легко, свободно, не думая о том, как это выглядит со стороны.

— Что это значит? — спросила она.

— Это значит, — перевела Элен, — что море сегодня прекрасно, как женщина, которую мужчина любит всю жизнь. Жорж у нас поэт.

— Бывший поэт, — поправил Жорж. — Сейчас я просто пенсионер, который любит путешествовать.

— А где вы путешествовали? — спросила Натали.

— О, мы объездили полмира! — Элен засияла. — Греция, Турция, Испания, Португалия, Марокко, Таиланд... Мы были везде, где тепло. Не любим холод. В Париже живём, а от холода бежим.

— И в этот отель вы приезжаете в третий раз? — удивилась Натали. — Если вы объездили полмира, почему возвращаетесь сюда?

Жорж и Элен переглянулись.

— Потому что это место... особенное, — сказала Элен задумчиво. — Там есть что-то. Не знаю, как объяснить. Воздух другой. Море другое. И люди... В этом отеле всегда собираются интересные люди.

— И хозяйка, София, — добавил Жорж. — Она делает это место домом. Настоящим домом.

— Она гречанка? — спросила Натали.

— Итальянка, — поправил Жорж. — Но душа у неё... как море. Глубокая и тёплая.

Натали слушала их и чувствовала, как внутри разливается тепло. Эти двое были такими живыми, такими настоящими. Прожили вместе, наверное, полвека — и до сих пор смотрели друг на друга с нежностью. До сих пор путешествовали, смеялись, радовались жизни.

— А вы одна? — спросила Элен. — Без мужа?

— Я... недавно развелась, — Натали сказала это и удивилась, как легко прозвучали эти слова. Без боли. Без стыда. Просто факт.

— О, — Элен понимающе кивнула. — Тогда это лучший отель, чтобы начать новую жизнь. Здесь море лечит всё. Разбитые сердца — в первую очередь.

— Море лечит, — подтвердил Жорж. — И вино. В баре у них отличное вино.

Натали улыбнулась.

— Я запомню. Вино и море.

— И не только, — Элен хитро прищурилась. — В этом отеле бывают очень интересные мужчины. Молодые, старые, красивые, умные... Вы ещё не старая, Натали. Вам сколько?

— Сорок.

— О, молодость! — Элен махнула рукой. — Мне семьдесят два. И я до сих пор смотрю на красивых мужчин. Жорж ревнует, но терпит.

— Я не ревную, — возразил Жорж. — Я просто слежу, чтобы ты не сбежала с кем-нибудь.

— Сбегу — вернусь, — парировала Элен. — Ты же без

меня пропадёшь.

Натали смотрела на них и думала: вот оно, счастье. Не в идеальном

доме, не в деньгах, не в статусе. В умении быть вместе. В умении смеяться. В умении радоваться каждому дню.

Автобус петлял по серпантину, и море то открывалось во всей красе, то пряталось за скалами. С каждой минутой оно становилось ближе, реальнее, осязаемее.

— Вон там, смотрите! — Элен показала в окно. — Уже видно!

Натали прильнула к стеклу.

На вершине скалы, утопая в зелени и цветах, стоял отель. Белые стены, красная черепица, террасы, увитые плющом. А внизу — море. Бесконечное, синее, живое.

— «Каменный цветок», — прошептала Натали. — Какая красота.

— Это только начало, — сказал Жорж. — Подождите, когда увидите закат.

Автобус свернул на узкую дорогу, ведущую к отелю, и Натали почувствовала, как сердце забилось быстрее. Она здесь. Она сделала это. Впереди было море, новые знакомства, новая жизнь. И, как обещали Жорж и Элен, отличное вино в баре.

Натали улыбнулась и откинулась на спинку сиденья. Пусть будет что будет. Она готова.

Автобус мягко затормозил у ворот отеля, и Натали на мгновение замерла, разглядывая открывшуюся картину. «Каменный цветок» оказался именно таким, как на фотографиях — и одновременно совсем другим. Фотографии не передавали этого воздуха, этого света, этого запаха. Белые стены, увитые плющом, черепичная крыша, выгоревшая на солнце, деревянные ставни на окнах, распахнутые навстречу утреннему бризу. Вокруг — зелень, цветы, каменные дорожки, увитые розами арки.

— Ну вот мы и приехали, — Элен поднялась с сиденья, поправляя своё цветастое платье. — Как я скучала по этому месту!

Жорж уже тащил с багажной полки их чемоданы — два одинаковых, старых, обклеенных разноцветными наклейками из разных стран.

— Давайте помогу, — Натали встала, но Жорж только отмахнулся.

— Что вы, что вы! Я ещё не такой старый. Хотя Элен считает иначе.

— Я считаю, что ты старый, но упрямый, — поправила Элен. — Это хуже.

Они вышли из автобуса, и Натали вдохнула полной грудью. Воздух здесь был тёплым, пропитанным солью, цветами и чем-то ещё — может быть, солнцем, может быть, свободой.

Водитель выгрузил её красный чемодан — такой яркий, такой чужой среди этой природной гаммы, но Натали вдруг

подумала, что именно такой и нужен. Заметный. Живой. Как она сама теперь.

— Пойдёмте, — Элен взяла её под руку. — Я покажу вам Софию. Вы сразу поймёте, почему мы сюда возвращаемся.

Они прошли через кованые ворота и оказались во внутреннем дворе. Здесь было ещё красивее, чем снаружи. Каменный фонтан в центре, в котором плескались золотые рыбки, столики под пёстрыми зонтиками, горшки с геранью на каждом шагу. И тишина. Только шум моря вдалеке и птицы.

Из дверей отеля вышла женщина. Невысокая, полноватая, с седыми волосами, собранными в пучок, и с таким открытым, тёплым лицом, что Натали улыбнулась раньше, чем та успела сказать хоть слово. На ней было простое льняное платье, а на ногах — стоптанные сандалии.

— София! — Элен выпустила руку Натали и бросилась к хозяйке с распростёртыми объятиями.

— Элен! — женщина всплеснула руками и заключила её в объятия. — Жорж! Опять вы!

— Мы не могли не приехать, — Жорж поцеловал Софию в обе щеки. — Где ещё такое море?

— И такой кофе, — добавила Элен.

София рассмеялась — звонко, по-молодому, совсем не по-старушечьи.

— Кофе у меня всегда есть. И для вас — самый лучший. Тут она заметила Натали, стоящую чуть поодаль с чемо-

даном, и глаза её потеплели ещё больше.

— А это, наверное, наша новая гостья? — она подошла к Натали и протянула руку. — София. Хозяйка этого маленького рая.

— Натали, — ответила та, пожимая руку. Рука у Софии была тёплой, чуть шершавой, рабочей. — Очень приятно.

— Мне тоже, мне тоже, — София оглядела её с ног до головы внимательным, но не оценивающим взглядом. — Вы одна? Отдохнуть?

— Да. Впервые за много лет.

— О, значит, вам это место нужно особенно, — София кивнула, будто знала что-то, чего не знали другие. — Море лечит, Натали. Здесь многие приезжают залечивать раны. А некоторые — находить себя.

Натали почувствовала, как к горлу подступил комок. Странно — эта женщина сказала всего пару фраз, а уже казалась родной.

— Спасибо, — тихо сказала она.

— Не за что, — София улыбнулась и взяла у неё из рук ручку чемодана. — Пойдёмте, я покажу вам всё. А вы, старики, — она обернулась к Элен и Жоржу, — идите, занимайте ваш любимый столик у фонтана. Я пришлю кофе.

— Увидимся вечером, — подмигнул Жорж Натали на прощание.

Элен послала ей воздушный поцелуй, и они ушли в сторону фонтана, оставив Натали с Софией.

— Пойдёмте, — хозяйка покатила чемодан по каменной дорожке. — Отель у нас небольшой, всего десять номеров. Я люблю, чтобы было тихо и уютно. Большие отели — это не моё.

Они прошли через арку, увитую розами, и оказались перед открытой террасой, где стояли плетёные кресла и столики.

— Здесь завтракаем обычно, — София показала рукой. — Завтрак с восьми до десяти. Если хотите позже — скажите, я оставлю что-нибудь. У нас тут всё по-домашнему.

Она повела её дальше, мимо клумб с цветами.

— Вот бассейн. Маленький, но чистый. Вода морская, подогревается. Хотя я всегда говорю — зачем бассейн, когда море в двух шагах?

Натали улыбнулась. Бассейн и правда был крошечным, уютным, окружённым шезлонгами и зеленью.

— А вот это бар, — София кивнула на открытую веранду с высокой стойкой и разноцветными стульями. — Работает до полуночи. Вино у нас хорошее, местное. И коктейли.

За стойкой кто-то возился, расставляя бутылки. Молодой человек — на вид лет двадцати пяти, не больше, — услышав голоса, поднял голову.

— Алик, познакомься, это наша новая гостя, Натали, — сказала София. — А это Алик, наш новый бармен. Третий месяц у нас работает, но уже все девушки в округе влюблены.

Алик смущённо улыбнулся и помахал пальцами — не ру-

кой, а именно пальцами, лёгким, почти детским жестом.

— Привет, — сказал он. Голос у него был приятный, чуть хрипловатый. — Добро пожаловать.

Натали кивнула в ответ.

— Здравствуйте.

На секунду их взгляды встретились. У него были светлые глаза — то ли серые, то ли голубые, — и в них мелькнуло что-то, чего Натали не успела понять. Любопытство? Удивление? Или просто солнечный зайчик отразился?

— Пойдёмте дальше, — София тронула её за локоть. — Я покажу выход к морю и ваш номер.

Они прошли мимо бара, и Натали краем глаза заметила, как Алик проводил её взглядом. Наверное, показалось.

— Здесь тропинка к морю, — София остановилась у каменных ступенек, уходящих вниз, к виднеющейся вдали полоске воды. — Пять минут пешком. Внизу небольшой пляж, галечный. Не такой роскошный, как в отелях с песком, но море — оно везде море.

Ступеньки вились между скал, поросших кустарником, и где-то внизу уже слышен был шум прибоя — ровный, успокаивающий, вечный.

— А теперь — ваш номер.

Они поднялись на второй этаж по открытой деревянной лестнице, мимо горшков с геранью и развешанных на стенах глиняных тарелок. София остановилась у двери с номером «7» и вставила ключ в замочную скважину.

— Прошу.

Дверь открылась, и Натали вошла внутрь.

Комната оказалась именно такой, какую она видела в своих мечтах. Светлая. Белые стены, белое постельное бельё на широкой кровати, лёгкие занавески, колышущиеся от ветра из открытого окна. Плетёная мебель — кресло, столик, этажерка для вещей. И огромное окно, вернее, стеклянная дверь, ведущая на маленький балкон.

Натали подошла к двери, толкнула её и вышла наружу.

С балкона открывался вид на море. Не на весь горизонт, но на кусочек — синий, сверкающий, живой. Внизу шумели волны, где-то кричали чайки, ветер приносил солёные брызги и запах цветов.

— Нравится? — раздался голос Софии из комнаты.

Натали обернулась. Хозяйка стояла у порога, скрестив руки на груди, и улыбалась.

— Очень, — выдохнула Натали. — Это... это идеально.

— Я рада, — София подошла к ней и тоже выглянула на балкон. — Знаете, этот номер я всегда оставляю для тех, кому это нужно больше всего. Не спрашивайте, как я угадываю. Просто чувствую.

Она помолчала, глядя на море.

— Здесь была одна женщина года три назад. Тоже одна. Тоже после развода. Она прожила у нас месяц, плакала каждую ночь. А потом уехала и через год прислала открытку — вышла замуж, счастлива, ждёт ребёнка. — София поверну-

лась к Натали. — Море лечит, я же говорила. Только надо позволить ему.

Натали почувствовала, как глаза защипало. Она быстро моргнула, прогоняя слёзы.

— Спасибо, София.

— Не за что, дорогая. Ванная там, — она кивнула в сторону двери направо. — Полотенца свежие. Если что-то понадобится — я внизу, всегда найдусь. Ужин с семи до девяти. Сегодня рыба, местная. Очень рекомендую.

Она направилась к выходу, но на пороге остановилась.

— И ещё, Натали. Здесь все свои. Не стесняйтесь. Хотите говорить — говорите. Хотите молчать — молчите. Хотите плакать — плачьте. Здесь можно всё.

Дверь закрылась, и Натали осталась одна.

Она постояла на балконе, слушая море. Потом вернулась в комнату, подошла к кровати и провела рукой по прохладному белью. Подошла к этажерке, погладила плетёную поверхность. Заглянула в ванную — маленькую, но чистую, с большими белыми полотенцами и бутылочкой геля с запахом лаванды.

Потом открыла чемодан и начала разбирать вещи. Яркие платья ложились на полки одно за другим — зелёное, синее, красное. Купальники — бирюзовый, синий, полосатый. Сандалии, шляпа, книги, которые Вики засунула в самый низ со словами «на пляже читать».

Когда всё было разложено, Натали снова вышла на бал-

кон.

Море по-прежнему сияло на солнце. Ветер трепал её волосы. Где-то внизу слышались голоса — Элен и Жорж, наверное, уже пили свой кофе.

Натали закрыла глаза и глубоко вдохнула.

— Я здесь, — прошептала она. — Я сделала это.

И впервые за много лет ей показалось, что всё будет хорошо.

Глава 7

Чемодан был разобран. Яркие платья висели в шкафу, купальники лежали в ящике комода, книги стопкой стояли на прикроватной тумбочке. Натали обвела взглядом комнату — чужую, но уже начинающую становиться своей, — и вдруг почувствовала, как усталость накрывает её с головой.

Она сделала шаг к кровати и просто упала на неё. Руки раскинулись в стороны, ноги тоже — она лежала звездой на прохладном белом белье и смотрела в белый потолок. Где-то за открытым окном шумело море, ветер колыхал занавески, и в комнату затекали последние лучи заходящего солнца.

Натали выдохнула. Очень длинно. Очень глубоко. Так, будто выпускала из себя весь воздух, который копился годами.

А потом засмеялась.

Сначала тихо, потом громче, потом почти истерически — но это был хороший смех, освобождающий. Она смеялась и не могла остановиться. Потому что это было нелепо. Потому что она здесь. Потому что она одна. Потому что она не знает никого в этой стране, в этом отеле, в этой новой жизни. Потому что ей сорок, и она только что развелась, и у неё теперь яркие платья и бирюзовый купальник, и она лежит на кровати в итальянском отеле и смеётся как сумасшедшая.

Она смеялась, пока не заболели щёки.

Потом закрыла лицо ладонями. Под пальцами кожа была мокрой — она и не заметила, когда потекли слёзы. Смех перешёл во что-то другое, но это тоже было хорошо. Нужно. Давно пора.

Она лежала так, закрыв лицо, и плакала — тихо, без рыданий, просто слёзы текли сквозь пальцы и капали на подушку. Плакала о двадцати годах, которые прошли мимо. О молчании, которое стало привычкой. О любви, которая умерла так незаметно, что никто не заметил похорон. О себе — той девушке, которая когда-то мечтала о море и теперь наконец до него добралась.

Слёзы кончились так же внезапно, как начались. Натали убрала руки от лица, посмотрела на потолок, потом повернула голову к тумбочке. Часы показывали без пяти семь. Ужин.

Она села на кровати, посмотрела на себя в зеркало напротив — красные глаза, размазанная тушь, растрёпанные волосы. Ну и вид.

— Соберись, — сказала она своему отражению. — Ты в отпуске. Ты красивая. У тебя новые платья.

Отражение скептически приподняло бровь.

Натали встала, умылась холодной водой, привела лицо в порядок. Тушь пришлось стереть полностью и накрасить заново — Вики научила её делать это быстро и профессионально. Потом открыла шкаф и провела рукой по вешалкам. Что надеть на первый ужин в новой жизни? Зелёное? Слишком ярко. Синее? Тоже ярко. Красное? Совсем нет.

Она остановилась на лёгком белом платье в мелкий цветочек — компромисс между прошлым и будущим. Белое, но с цветами. С скромное, но с открытыми плечами.

Натали оделась, глянула в зеркало ещё раз. Лучше. Глаза уже не красные, волосы уложены, платье сидит хорошо. Она даже улыбнулась себе.

В столовую она спустилась ровно в семь.

Помещение оказалось уютным — не слишком большим, с каменными стенами, деревянными балками на потолке и длинным общим столом, вокруг которого стояли стулья, все разные, будто собранные с разных чердаков. На подоконниках горели свечи в разноцветных стаканах, пахло травами и морем.

За столом уже сидели трое. Элен и Жорж — на своих местах, судя по тому, как уверенно они расположились, — и мужчина лет сорока, которого Натали видела впервые.

Он сидел чуть поодаль, с фотоаппаратом на коленях, и рассматривал какие-то снимки на экране. Обычная внешность — тёмные волосы с лёгкой сединой на висках, внимательные глаза, спокойное лицо. Одет просто — футболка, лёгкие брюки. Но в нём чувствовалась какая-то замкнутость, будто он не совсем здесь, будто часть его осталась там, где он делал эти снимки.

— Натали! — Элен всплеснула руками, заметив её. — Идите к нам! Как вы устроились? Как номер? Вам нравится?

— Всё замечательно, — Натали подошла к столу и присела на свободный стул рядом с Элен. — Номер чудесный. Вид на море. Я уже влюбилась.

— Я же говорила! — Элен довольно кивнула. — София знает, как встретить. Познакомьтесь, это...

— Позвольте я сам, — мужчина с фотоаппаратом поднял глаза и слегка улыбнулся. — Давид. Очень приятно.

Он протянул руку через стол. Натали пожала её.

— Натали.

— Вы тоже впервые здесь? — спросил Давид.

— Да. Только сегодня приехала.

— А я вчера. — Он кивнул на фотоаппарат. — Приехал за снимками. Говорят, здесь невероятные рассветы.

— Уже сняли?

— Пока только разведаль места, — он улыбнулся чуть шире. — Завтра встану раньше, попробую поймать свет.

— А вы чем занимаетесь, Натали? — спросила Элен.

— Я? — Натали задумалась на секунду. — В смысле, работала? Я в страховой компании работала. Десять лет.

— Работала? — подхватил Жорж. — А теперь?

— А теперь, — Натали улыбнулась, — теперь я в отпуске. И пока не думаю, что будет потом.

— Правильно! — Элен хлопнула ладонью по столу. — Правильно! Отпуск — это святое. Особенно такой отпуск, когда начинаешь новую жизнь.

Она многозначительно посмотрела на Натали, и та поня-

ла, что Элен ничего не забыла из их разговора в автобусе.

В этот момент из кухни выплыла София с большим подносом в руках.

— Ужин! — объявила она торжественно. — Рыба по-сицилийски с лимоном и травами, салат из свежих овощей с оливковым маслом и хлеб, который я сама пеку каждое утро. Приятного аппетита!

Она ловко расставила тарелки перед каждым. Рыба и правда пахла божественно — лимон, чеснок, розмарин, ещё какие-то травы, названий которых Натали не знала. Салат сверкал каплями масла, помидоры были такими красными, будто их только что сорвали с грядки.

— Спасибо, София, — сказала Натали и взяла вилку.

Первый кусочек рыбы растаял во рту. Нежная, сочная, пропитанная соком лимона и травами. Натали закрыла глаза от удовольствия.

— Вкусно? — спросила София, стоявшая рядом с довольным видом.

— Очень, — выдохнула Натали. — Я никогда такой рыбы не ела.

— Потому что она только что из моря, — София подмигнула. — Утром ещё плавала. Ешьте, ешьте, я ещё принесу.

Она ушла на кухню, а Натали продолжила есть, наслаждаясь каждым кусочком. Элен и Жорж оживлённо обсуждали свои планы на завтра — хотели съездить в соседний городок на рынок. Давид молчал, изредка вставляя замечания,

но больше слушал.

И тут с лестницы слышались шаги.

Натали подняла глаза.

Алик спускался в столовую — всё ещё в той же простой футболке, что и днём, но теперь с лёгкой небритостью, которая делала его старше. Или моложе? Натали не могла понять. Волосы чуть влажные после душа, глаза светлые, улыбка лёгкая.

— Приятного аппетита всем, — сказал он, проходя к бару.

— Алик! — София выглянула из кухни. — Садись, я сейчас накрою тебе.

— Не надо, — остановил он её жестом. — Я сам справлюсь. Отдыхай.

Он зашёл за стойку бара, взял тарелку, наложил себе рыбы и салата из общих блюд, которые София оставила на отдельном столике, и направился к общему столу.

Натали следила за ним краем глаза и сама не заметила, как он поймал её взгляд.

Алик улыбнулся — открыто, чуть насмешливо, будто знал какой-то секрет, — и сел прямо напротив неё.

— Привет ещё раз, — сказал он. — Не помешаю?

— Нет-нет, — ответила за всех Элен. — Садись, Алик. Мы как раз обсуждаем планы на завтра. Ты же знаешь, когда рынок в Сан-Джулиано работает?

— По субботам, — ответил Алик, накладывая салат себе в тарелку. —

Завтра как раз суббота. Утром поезжайте, там будет и сыр, и вино, и оливки.

— Отлично! — Жорж довольно потёр руки. — Значит, завтра на рынок.

Натали ела и слушала, как легко и естественно Алик вписался в разговор. Он шутил с Элен, обсуждал с Жоржем местные вина, даже с Давидом обменялся парой фраз о лучших местах для съёмок.

И всё это время она чувствовала на себе его взгляд. Не навязчивый, не липкий. Просто — он смотрел на неё, когда думал, что она не видит. А когда их глаза встречались, он не отводил взгляд, а улыбался чуть шире.

— А вы, Натали? — спросил он вдруг, поворачиваясь к ней. — Что будете делать завтра?

— Я? — она чуть не поперхнулась вином. — Я... не знаю. Наверное, пойду на море. В первый раз.

— В первый раз в жизни? — удивился Алик.

— В первый раз в этом отпуске, — поправила она. — Давно не была у моря.

— Тогда вам обязательно нужно встретить рассвет, — сказал он. — На обрыве. Это самое красивое, что здесь есть.

— Давид тоже за рассветом собирается, — заметила Элен. — Можете вместе пойти.

Давид поднял глаза от тарелки и посмотрел на Натали.

— Если хотите, — сказал он спокойно. — Я встаю в пять. Можем встретиться у входа.

— В пять утра? — Натали представила себя, встающую в пять утра в отпуске, и усмехнулась. — Я подумаю.

— Думайте быстрее, — Алик улыбнулся. — Рассвет ждать не будет.

Он снова посмотрел на неё — и на этот раз взгляд задержался чуть дольше, чем нужно для простой вежливости.

Натали отвела глаза первой.

— А вы сами? — спросила она. — Вы давно здесь работаете?

— Третий месяц, — Алик откинулся на спинку стула. — Решил сменить обстановку. До этого в городе жил, в суете. А здесь... здесь хорошо.

— И не скучно?

— Скучно? — он усмехнулся. — С морем не бывает скучно. Оно каждый раз разное. Сегодня спокойное, завтра шторм, послезавтра — штиль. За ним можно наблюдать вечно.

— Все бармены философы, я давно заметила, — подмигнула Элен.

— Не философ, — возразил Алик. — Просто наблюдатель.

Он снова посмотрел на Натали.

— Вы, кстати, похожи на человека, который тоже любит наблюдать.

— Почему вы так решили? — удивилась она.

— Глаза, — просто ответил он. — У наблюдателей глаза

особенные. Они всё видит, но не спешат судить.

Натали не нашлась, что ответить.

— Ой, Алик, ты уже начал комплименты раздавать? — засмеялась Элен. — Смотри, Жорж, учись.

— Я старый, мне уже поздно, — отмахнулся Жорж. — Я лучше ещё вина выпью.

Он потянулся к графину, и разговор перетёк в другое русло — о вине, о погоде, о том, что завтра будет жарко и хорошо.

Алик больше не смотрел на Натали так откровенно. Но она чувствовала его присутствие — каждую минуту, пока они сидели за столом.

Когда ужин закончился и все начали расходиться, Алик встал первым.

— Спокойной ночи, — сказал он, обводя взглядом всех за столом. И задержался на Натали. — Увидимся.

— Спокойной ночи, — ответила она.

Он ушёл в сторону бара, а Натали ещё посидела немного с Элен и Жоржем, допивая вино.

— Хороший мальчик, — заметила Элен, глядя вслед Алику. — Душевный.

Натали промолчала.

Она поднялась к себе в номер, разделалась, легла в кровать. Закрыла глаза и попыталась уснуть. Но перед глазами всё стояли светлые глаза, лёгкая улыбка и слова: «У наблю-

дателей глаза особенные».

— Глупости, — сказала она себе в темноту. — Я просто отдыхаю.

Она повернулась на бок и приказала себе спать. Но море шумело, и мысли не слушались.

Глава 8

Солнце пробивалось сквозь лёгкие занавески, рисуя на полу золотистые полосы. Где-то вдалеке кричали чайки, и море шумело ровно, убаюкивающе, как дышащий великан.

Натали открыла глаза и несколько секунд не понимала, где находится. Белый потолок, незнакомый свет льётся не с той стороны, тишина не та. Потом память вернулась — щелчок, и всё встало на свои места. Отель. Море. Италия. Новая жизнь.

Она улыбнулась и потянулась. Долго, сладко, всем телом, чувствуя, как хрустят суставы и просыпаются мышцы. Хорошо спалось. Удивительно хорошо, будто море забрало всю усталость первых дней и унесло куда-то в свою синюю глубину.

Натали села на кровати, взъерошила волосы и посмотрела на балконную дверь. Солнце звало наружу.

Она встала, накинула лёгкий халатик — шёлковый, цвета оливки, который купила спонтанно, поддавшись уговорам Вики, — и вышла на балкон.

Утро встретило её свежестью и птичьим гомоном. Море внизу было спокойным, синим-синим, с лёгкой рябью, которая искрилась на солнце. Воздух — прозрачный, чистый, пахнущий солью и цветами. Натали облокотилась на перила, вдохнула поглубже и зажмурилась от удовольствия.

И тут она его увидела.

Внизу, на небольшой площадке перед отелем, кто-то двигался. Ритмично, энергично, явно делая зарядку. Алик.

Он был одет только в спортивные штаны и кроссовки. Торс — голый. И этот торс, надо признать, был впечатляющим.

Натали замерла, забыв, что нужно дышать. Солнце играло на его коже,

подчёркивая каждую мышцу. Широкие плечи, узкая талия, рельефный пресс, который двигался и переливался при каждом движении. Он делал выпады, отжимался, тянулся — и всё это с такой естественной грацией, что залюбоваться мог бы кто угодно, независимо от возраста и обстоятельств.

Натали залюбовалась.

Она понимала, что это неправильно. Что ей сорок, что она здесь отдыхает, что нельзя стоять и пялиться на голого молодого бармена, который просто делает зарядку. Но глаза не слушались. Они скользили по его спине, когда он наклонялся, по рукам, когда он отжимался, по шее, по капелькам пота, блестящим на солнце.

— Господи, — прошептала она себе под нос. — Я как подросток.

И в этот момент Алик развернулся. Он растягивался, заведя руки за голову, и вдруг замер. Поднял голову. Посмотрел прямо на неё. Прямо в глаза.

Натали почувствовала, как краска заливает щёки. Она

стояла, приклеенная к месту, не в силах пошевелиться. Её поймали. С поличным. Она стояла на балконе и откровенно паялилась на голого парня.

Алик улыбнулся. Не насмешливо, нет. Тепло, почти ласково. Он даже рукой махнул — коротко, приветственно. Как будто ничего особенного не случилось. Как будто это нормально — стоять голым по пояс и ловить на себе взгляды постояльцев.

Натали нырнула за штору. Буквально нырнула, отдёргнув тюль и спрятавшись за ней, как страус, который зарыл голову в песок. Сердце колотилось где-то в горле, щёки горели, руки дрожали.

— Дура, — сказала она вслух. — Какая же я дура.

За шторой было темно и безопасно. Она постояла так минуту, другую, пытаясь успокоить дыхание. Потом осторожно выглянула.

Алик больше не смотрел на неё. Он надевал футболку, которая висела на ветке рядом, и направлялся к отелю. Но перед тем как скрыться в дверях, он снова поднял голову — точно зная, что она выглядывает, — и опять улыбнулся.

Натали отдёргнулась обратно.

— Вот чёрт, — выдохнула она. — Вот чёрт, чёрт, чёрт.

Завтракать она спустилась только через час. Долго приводила себя в порядок, успокаивала дыхание, убеждала себя, что ничего страшного не случилось. Подумаешь, посмотре-

ла. Подумаешь, заметил. Он молодой, красивый, на него, наверное, каждый день так смотрят. Ему всё равно. Но щёки всё равно горели, когда она входила в столовую.

В столовой было пусто. Только София накрывала на длинном столе, расставляя тарелки с фруктами и круассанами. Увидев Натали, она улыбнулась.

— Доброе утро! Рано вы сегодня. Хотите кофе?

— Доброе утро, — Натали огляделась. — А где все?

— Элен и Жорж уехали на рынок ещё в семь. Любят ранние покупки. Давид, наверное, уже на съёмках. Он до солнца встал. — София налила кофе в большую белую чашку. — Алик тоже уже позавтракал и убежал по делам. Так что вы сегодня первая.

Натали почувствовала, как напряжение отпускает. Хорошо. Значит, не надо ни с кем встречаться взглядами. Можно спокойно выпить кофе и прийти в себя.

— Спасибо, — она взяла чашку. — Я, наверное, на веранду выйду. Там так красиво утром.

— Конечно, конечно, — София махнула рукой. — Идите, я потом фруктов принесу.

Натали вышла на веранду — ту самую, с плетёными креслами и видом на море. Села в угловое кресло, поджала под себя ноги и уставилась вдаль. Кофе был обжигающе горячим и таким вкусным, что хотелось закрывать глаза. Натали пила маленькими глотками и наблюдала, как солнце поднимается выше, как меняются краски на море, как просыпается мир.

Хорошо. Тихо. Спокойно.

Из-за деревьев, что росли у тропинки к морю, вышел Давид. Он шёл медленно, то и дело останавливаясь, чтобы посмотреть на экран фотоаппарата, висящего на шее. Вид у него был довольный — видимо, утренняя съёмка удалась.

— Доброе утро! — окликнула его Натали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.